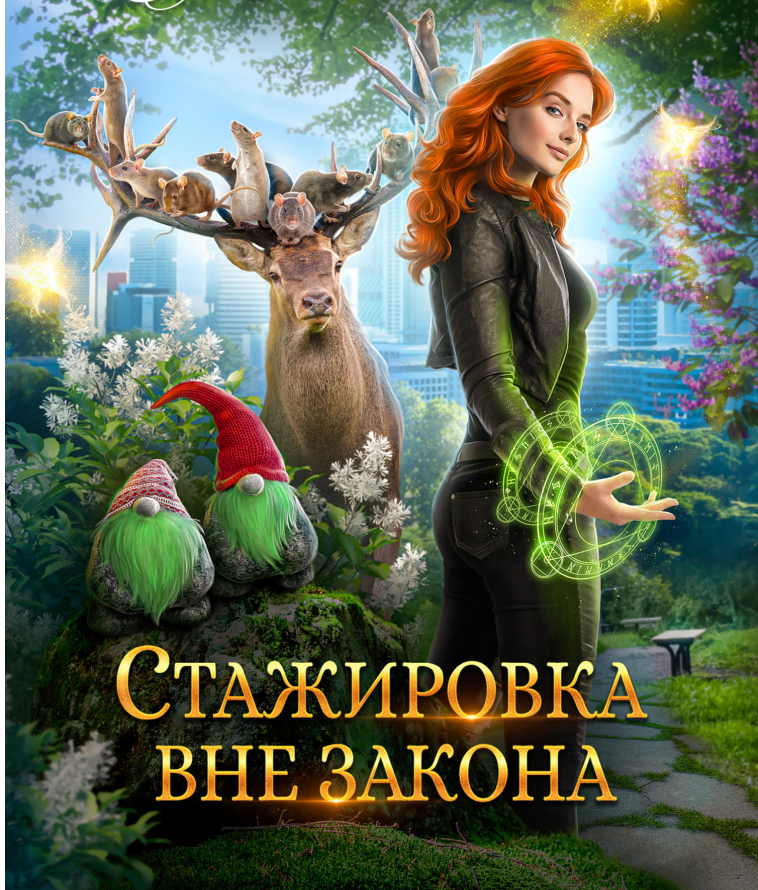

НАДЕЖДА МАМАЕВА

СТАЖИРОВКА ВНЕ ЗАКОНА

Надежда Николаевна Мамаева

Стажировка вне закона

Серия «Хищники наших дней», книга 4

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70443886

Аннотация

Если вечером в подворотне ты столкнулась с грабителями, то это – к неприятностям. Для бандитов. Если фэйри решил помочь тебе разобраться с преступниками и тем осчастливить – значит, спасенья нет. Для тебя. Если на следующий день выясняется, что стажировку ты будешь проходить в Долине Холмов, а твоим наставником станет тот самый дивный, с которым накануне вас столкнула судьба, то это – к большим проблемам. Для него. Ведь там, где появляются сидхе, случайности исключены. Зато в избытке цинизма, сарказма и хладнокровия. У одного дивного всего этого так точно в достатке. А еще он надменный и со сложным характером. Таким же непростым, как и дело, которое нам предстоит раскрыть. Сможем ли мы распутать клубок тайн Неблагого двора и при этом не запутаться в наших с фэйри чувствах друг к другу, которые столь противоречивы?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	70
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Надежда Мамаева

Стажировка вне закона

Глава 1

Холодный расчет девушке лучше всего прятать за грандиозной истерикой. Эту простую истину я усвоила уже давно. Правда, сегодня впервые случилось использовать данную тактику на грабителях, что поджидали свою жертву весенним вечером в подворотне.

К несчастью для этих джентльменов ночи, на роль потерпевшей они выбрали артефактора, вчерашнюю выпускницу, которая была не только вооружена дипломом, но и очень, очень зла.

А все потому, что этот самый диплом не оправдал ожиданий, которые были возложены на него на собеседовании. Мне отказали. Опять! Хотя оружейной мастерской требовался артефактор. И работодатель едва не потирал руки, увидев белые корочки, означавшие отличные оценки вчерашней адепки. А когда еще и узнал, что моим научным руководителем был сам Катаф... то есть знаменитый магомеханик Ульрих фон Грейт, то и вовсе засветился от счастья. Весь. Целиком. И белозубой улыбкой, и очками в роговой оправе, которые начали бликовать в лучах заходящего солнца,

и даже лысиной... Но все это длилось ровно до того момента, как мой потенциальный шеф открыл диплом и узнал, что стоявшая перед ним девушка, к которой он обращался до этого исключительно как к «госпоже Ринли», носит фамилию Бризроу. И все! Мне тут же отказали!

А ведь я искренне верила, что стоит мне пробить стеклянный потолок, поступить в академию и окончить ее с отличием, как я перестану быть дочерью своей матери и стану просто собой! Но нет. Сейчас я в полной мере ощутила, как у детей мало шансов стать не теми, кем были их родители. И от этого я тихо закипала. Да что там закипала – уже откровенно психовала. Но внешне старалась выглядеть невозмутимой.

Держала маску спокойствия, пока шла в своем единственном деловом костюме по мостовой исторического Йонтра, мимо знаменитого здания из красного кирпича – центрального отделения законников. Была сдержанна и даже смогла растянуть губы в приветливой улыбке, столкнувшись на Лейской набережной с профессором Мальгомири, что преподавал историю магии в академии. Потом, решив срезать путь до дома, свернула с улицы в переулок. За ним случилась и подворотня. А в ней и они. Неприятности. Для грабителей.

– Ну что, цыпа, по-хорошему нам все сразу отдашь или мы сами... – начал глумливо, явно чувствуя себя хозяином положения, один из бандитов.

Трое стояли передо мной. Четвертый показательно громко сделал пару шагов за моей спиной, тем намекая: путь к

отступлению отрезан.

– Как вы меня все достали! – выдохнула в сердцах, перебив громилу.

Сейчас у меня было такое состояние, что я могла забить этих обирателей спитым чайным пакетиком. Насмерть. Безо всякой магии.

Говоривший, похоже что-то ощутив, замолчал. Зато второй бугай, стоявший за его плечом, пифией точно не был. И чуйки на проблемы у него не имелось. Потому как, перекинув наполовину скуренную сигарку из одного угла губ в другой, небрежно пробасил:

– Снимай цацки, крыхтовка, пока мы добрые. А то ты девка на рожу ничего так... Можешь нам и понравиться. Тем более рыжух я люблю... – И похабно хохотнул.

Вторя его словами, о булыжник что-то стукнуло. И я, переводя взгляд на руку грабителя, увидела, как на одном из его мясистых грязных пальцев кольцом-петлей алела, потрескивая разрядами магических искр, нить. Она тянулась вниз и заканчивалась круглой шайбой, что и ударила о брусчатку.

«Ловца чар» – простенький артефакт, способный вобрать в себя боевую магию, – я узнала сразу же. И стало понятно, откуда у этих типов такая безграничная уверенность в своих силах. Ну-ну... Похоже, эти гады рассчитывали, что я сразу проникнусь, испугаюсь и поведу себя как положено приличной, воспитанной жертве. Затрепещу вся. Ну или хотя

бы что-то во мне задрожит: душа там, руки, губы, слезы в глазах...

Последние действительно появились. Правда, стоили мне немалых усилий. Потому как я поняла: просто так мне этих гадов не одолеть. И, просчитывая в уме свои действия, внешне я решила на время стать жертвой.

– Да подавитесь! – С этими словами я трясущейся левой рукой начала снимать сережку. Взгляды верзил впились в украшение. – Но знайте: законники вас найдут! Вы все сядете за решетку!!! – я подпустила в голос истеричных нот, неся при этом чушь. Она весьма повеселила бандитов, которые скабрёзно заржали. Ведь каждый из грабителей уверен: он-то точно умнее других, его-то не поймают блохастые законники.

Я отвлекала их, а на запястье второй руки, которую отвела в сторону, меж тем разгорались круги силы. Все четыре.

Стоявший позади оказался самым бдительным из четверки, за что и поплатился.

– Ложись, эта тва... – только и успел крикнуть он, как я, коротко замахнувшись, ударила. Аркан с разворота полоснул не ожидавшего ничего подобного детину.

Он не смог уклониться, и его, протащив, впечатало в кирпичную кладку стены. Вот только и троица, что совсем недавно выросла прямо по моему курсу, не дремала. Я еле успела уклониться от просвистевшего мимо меня пульсара. Разминулась с ним в какой-то паре дюймов.

– Ну все, краля, игры кончились, – наставив на меня чарострел, зло процедил третий, снулый бандюган, который до этого не участвовал в разговоре. – Гони серьги, кольца, артефакты, хроносы... Или получишь дыру в живот.

И, едва он закончил, громила с сигаркой сплюнул окурок, давая понять, что разговор завершен, дальше будут только действия. Чинарик приземлился, немного не долетев до носков моих туфель. Единственных приличных, между прочим! На них ушли остатки моей последней перед выпуском стипендии...

Сзади слабо застонал тип, которого я приложила о стену.
– Хочешь стрелять – стреляй.

Я развела руки в стороны. На каждом из запястий в вечерней полутьме подворотни полыхало по четыре круга силы, вписанных один в другой. Я не была уверена, что успею выставить щит или еще раз уклониться от сгустка пламени.

Пульс стучал в висках, а сердце, по ощущениям, уже проломило клетку ребер и билось где-то в горле. Было ли мне страшно? Да. Но я держала свои эмоции как натянутые до предела удила лошади, вставшей на дыбы: стоит отпустить их, дать слабину – и тебе конец.

Я смотрела глаза в глаза грабителю, который наставил на меня дуло. Возможно, это была моя смерть. Вот такая, с решеткой желтых зубов, с обломанными ногтями и трехдневной щетиной... А может быть, это я была спонсором его будущего билета на погост...

Секунды замедлились, сплелись в одно мгновение. Длинное, вязкое, холодное... А в мозгу меж тем шел напряженный расчет, дедукция ближнего боя, если можно это так назвать.

Судя по тому, как нацелен на меня ствол чарострела, сгусток пламени полетит в грудь.

Поэтому первое – уйти влево. Полностью разминуться с пульсаром не удастся. Нужно выставить боковой щит, чтобы выстрел прошел по касательной.

Второе – сумочку, что болталась у меня на плече, раскрыть на манер пращи. С учетом того, что в моих жилах сейчас неистовым потоком бурлила сила, она выбьет из руки бандита «ловца» на раз, не дав артефакту сработать: это же не заклинание, а просто предмет. Пущенный с чудовищной силой, но предмет! Не чары.

Затем выпустить в стрелка фаербол, чтобы он не успел нажать на спусковой крючок еще раз.

Потом нейтрализовать центрального типа арканом.

Громила, плюнувший сигаркой, – самый мощный из троих – наверняка ринется врукопашную. Судя по его кулакам, он не прочь ими помахать. Поэтому стоит выставить блок. Затем врезать в корпус. После – синхронный удар ладонями, сложенными лодочкой, по ушам, чтобы от резкой разницы давлений порвались барабанные перепонки. Сломать ребра. И тут же – в челюсть. И ударить ногой в диафрагму так, чтобы тип отлетел на стрелка.

И тогда уже в обоих сразу засадить заклинанием... На все – не более четырех секунд.

В результате у одного противника дезориентация, глухота, два сломанных ребра и одно треснутое, резкая боль в груди, внутреннее кровоизлияние. Физическое восстановление у лекарей обойдется минимум в шесть тысяч и займет три недели. Психологическое – пару месяцев. Навык плевать окурки – потерян навсегда.

У второго – ожог рук, лица, глаз. Возможность держать в руках оружие нейтрализована на четыре месяца. Стрелять – на год.

У третьего – временный паралич из-за аркана.

Возможные потери с моей стороны: ранение правого плеча при уклонении от пульсара, перелом правого предплечья при постановке блока.

Время, которое до этого будто растянулось пружиной, словно отмерло, вновь сжавшись, но... вместо выстрела из-за моей спины раздался голос, который рассек вязкий, пропитанный напряжением воздух ничуть не хуже пульсара.

– Кажется, этот вечер перестает быть таким скучным...

Но меня не столь поразили слова, как ощущения... Я никогда не лежала в закопанном гробу. Но было такое чувство, что сверху на меня давит могильная плита. И земля. Много земли. Так, что нет сил даже пошевелиться. Потому что по твоим жилам течет не кровь, а неразбавленный, концентрированный страх.

Но я стояла под этим гнетом чужих, явно наведенных эмоций с прямой спиной, упорно не опуская головы. Хотя грабители уже упали на колени и едва не подвывали от первобытного ужаса.

Медленно, очень медленно повернулась, чтобы увидеть в арке подворотни мужчину.

Высокий, поджарый и в то же время излучавший шлейф силы. В светлых волосах, которые были длиной чуть ниже плеч, отразились последние лучи закатного солнца. Деловой костюм, скроенный по фигуре настолько хорошо, что одним лишь этим выдавал свою немалую стоимость, зонти трость, который явно был еще и артефактом... А главное – то, как привычно этот тип чувствовал себя в этой одежде, как непринужденно держал трость, говорило без слов: передо мной аристократ.

«Вампиров мне только не хватало для полного и беспросветного счастья», – успело промелькнуть в голове, прежде чем я заметила острое ухо, когда незнакомец чуть повернул голову. И я зашипела сквозь стиснутые зубы. Вот почему мне так везет?! А? Захотелось официально обратиться к своим проблемам со словами: «Дорогие мои! Дайте мне, пожалуйста, небольшой перерыв! Я и так уже давно ваша постоянная клиентка». Но нет. Неприятности, видимо, решили, что у них сегодня день распродаж, и они мне отвесили бонусом еще и фэйри!

Ну почему на это скромное ограбление заглянуть не ми-

лому пушистому законнику-оборотню. Хорошо, я уже и на надменного вампира согласна. Да даже на дракона – от него хотя бы понятно, чего ждать... Но дивного-то за что? Что в подворотне, мать его, забыл этот высший? Тот, кого на дух своего ядреного пламени не переносили схинцы, потому что в магическом поединке фэйри считались самыми опасными противниками.

А еще обитатели Холмов вызывали такое почтение, что уважать их хотелось на максимально далеком расстоянии. Потому как фэйри были напрочь отморожен... кхм, возвышенными существами. Куда нам, простым смертным, до их величия...

Благо в Ринкор делегации из Холмов приезжали редко и дозированно. А обитали дивные в своей Тиббенойской долине, чужаков в которую не пускали.

– Что здесь происходит? – меж тем задал вопрос этот сительный.

Фэйри и правда сиял: ореол из закатных лучей соткал вокруг мужского тела подобие золотого плаща. Некстати подумалось: вот ведь... даже стоя в обшарпанной подворотне, некоторые дивные умеют выглядеть величественно. И тем доставать тех, кто этой суперспособности лишен. Ну точно заноза в пятке.

– Ограбление, – для непонятливых пояснила я.

Удивительно, но слова дались мне легко. И даже дыхание не подвело – голос прозвучал вполне буднично. Словно я со-

вершаю ежедневный моцион.

– И кто кого грабит? – уточнил этот... господин Заноза.

– На данный момент – они меня, – ответила уже не так уверенно. А все потому, что я продолжала стоять, а трое бандитов – уже валялись на земле. В отключке.

– Я так и подумал, поэтому решил помочь, – делая несколько шагов навстречу, произнес фэйри.

Он наконец вышел из пятна контурного света, бывшего ему в спину, и я смогла рассмотреть дивного. Исключительно правильные черты лица: прямой нос, четко очерченные губы, на которых сейчас лишь угадывалась скупая улыбка, синие, с отливом холодной стали, глаза, острые высокие скулы – этот фэйри был красив какой-то дьявольской красотой. Она была совершенной, как клинок древнего мастера, и отточенной настолько, что о нее легко можно было и порезаться.

– Спасибо, я разобралась бы и сама, – ответила сухо.

– Я знал, что вы будете благодарны, – иронично усмехнулся господин Заноза.

А я... Я была уставшей, взволнованной. Опять же флер этот, который давил на психику. В общем, в другой момент я бы обязательно сдержалась и была бы вежливой и милой. Впрочем, вот сегодня я тоже была вежливой и милой, но стервой. Поэтому не удержалась от сарказма:

– У вас, фэйри, случайно, нет монополии на самоуверенность?

– Это все злые языки. Никто не отберет у вас, людей, контрольный пакет акций, – в тон мне отозвался дивный и смирил меня выразительным взглядом.

А потом в мою сторону словно подул бриз. Незримый для внешнего мира, не всколыхнувший ни одного только-только распутившегося листочка. И тем не менее шквалистый, сметающий напором. Это был шлейф из эмоций. Знаменитый флер фэйри, который дети Долины Холмов должны были сдерживать рядом с людьми.

Гнет из страха и боли, что довлел надо мной до этого, смело новой волной. Обожание, восхищение, готовность выполнить любой приказ – я ухнула в прорубь навязанных чувств. Оглушенная, ушла в них с головой.

Каких усилий мне стоило не шагнуть навстречу дивному – знало только мирозданье. Я прикусила щеку. Солоноватый вкус крови во рту отрезвил, а затем я выставила ментальный щит. Какой смогла. Не самый мощный и идеальный, но все же.

И едва я это сделала, на миг на лице дивного промелькнула тень улыбки. Словно он был чем-то доволен, хотя, казалось бы, ему оказали сопротивление... Но фтырх этих фэйри разберет.

А потом флер и вовсе исчез, как и его давление на щит. Для меня – так точно. За грабителей говорить не берусь: они по-прежнему лежали на земле и скулили.

А затем сидх достал переговорник и вызвал законников.

Это заняло даже меньше минуты. И когда дивный нажал на отбой, то я поняла, что мне стоит убраться отсюда как можно скорее. И пусть я была ни в чем не виновата, но... фамилия! У рода Бризроу с двуликими офицерами были весьма сложные отношения. И пусть причиной оных была не я, а мама, но репутация – дело такое. Передается как семейное обручальное кольцо – через поколения.

Поэтому я одернула пиджак, поправила сумочку на плече и с независимым видом хотела дать дер... удалиться. Но увы!..

– Вы уходите? И я даже не узнаю имени девушки, которую вызволил из беды?

Я про себя лишь хмыкнула: чтобы Ринли Близроу и оказалась в беде? Этот господин Заноза меня явно с кем-то спутал. Вот бедовой – это да запросто.

– А это так важно?

– Думаю, для офицеров – да, – серьезно ответил дивный, сделав несколько шагов вперед, так что мы оказались близко, слишком близко для двух случайных почти незнакомцев, и вкрадчиво добавил: – И для меня.

Господин Заноза оказался выше меня на полголовы. И когда он говорил, его дыхание касалось моего. «А оно теплое», – заметила я отстраненно. Хотя до этого отчего-то представлялось, что фэйри, внешний вид которого был живым воплощением слова «лед», должен обжигать холодом. Холодом эмоций, прикосновений – так точно... Но нет. И

мужская рука, сильная, уверенная, горячая, скользнувшая мне на талию, была еще одним тому подтверждением.

Я выдохнула. Только этого мне сейчас не хватало.

Сердце, пропустив удар, пустилось в галоп. Казалось, что сейчас для моего пульса даже бесконечность – это не предел. Кровь понеслась по жилам бешеным потоком. Но я скрутила волнение в тугую жгут, накрыла непроницаемым панцирем. Пусть внутри меня клокочат готовые взорваться вулканы, внешне я должна быть невозмутима, как ледяные вершины горной гряды. Потому что в спокойствии моя сила.

И я уперла руки в сильное твердое тело. И почувствовала, как под пальцами бьется сердце. На миг показалось, что, когда я дотронулась до груди дивного, удары были сильнее и чаще... но наверняка показалось.

Чуть откинула голову, чтобы взглянуть нагледу в глаза. И увидела в них насмешку, которая, впрочем, тут же начала сменяться легким удивлением. Та-а-а-к, похоже, кто-то неправильно понял меня, приняв возмущение за томный вздох, а испуг, заставивший сердце стучать быстрее, за желание.

«Неужели я вам не нравлюсь?» – без слов, насмешливо вопрошал взгляд дивного.

«Да», – с вызовом отвечала я, чуть прищурившись.

«Ничего страшного, я прощаю вам этот недостаток вкуса», – и ирония, что затаилась в глубине синих глаз.

«Хорошо. Вы дали мне это прощение. И что мне с ним

теперь прикажете делать?» – не осталась в долгу я.

Это был самый странный из диалогов, которые со мной случались. В нем не было ни единого звука, но гораздо больше смысла, чем в иных длинных речах.

– Я думаю, вам стоит отойти, – холодно произнесла я, разрывая эту странную, напряженно звенящую тишину.

Губы фэйри искажила скорее не улыбка, а лишь легкий намек на нее, мужская рука скользнула по моему бедру, и господин Заноза сделал шаг назад.

На миг кольнуло странное ощущение. Почти забытое. На грани сознания. Что-то было не так, но... Я не успела толком сосредоточиться. Мне просто не позволили.

– Ваши глаза благодарили лучше, чем губы – с сарказмом заметил дивный.

– Я слышала, что вам, фэйри, опасно говорить слова признательности. Вы склонны оборачивать их в долги, – словно невзначай заметила я, тем намекнув, что Заноза не дожидется от меня «спасибо». – К тому же вмешаться в наш разговор с этими милыми ребятами – это ваша инициатива.

– Лорд Эрнилор Стиллварэль из дома Кровавого Вереска, – подсказал Заноза, хотя я его и не просила называть свое имя.

И пусть внешне я не выказала никаких эмоций, но внутри меня все чесалось и зудело от желания как минимум проклясть этого гада. Потому как запомнить услышанное я запомнила, но выговорить с первого раза – это та еще задачка,

при выполнении которой я могу позабавить фэйри своими тщетными попытками. Потому я решила поступить проще. И сократить.

– Значит, лорд Нил, – произнесла я, и от такой фамильярности у сидхе чуть дернулось ухо. И чтобы сгладить резкость, вынужденно представилась сама: – Ринли Бризроу из дома Чужих Стен. Можно просто Рин.

А что? Не одному же ему козырять пафосными названиями домов. У меня, между прочим, тоже свой был. Правда, им оказался приют, куда я попала в пятнадцать лет. Но обозвать это место тоже можно по-разному.

А до этого времени мы с мамой больше времени проводили в дороге, чем обживались на новом месте. Такая уж у Мэйори Бризроу была... кхм, работа, требовавшая перемен. Она же талант и призвание. Мама была невероятно сильным магом, гением, а еще она любила меня как могла и всегда старалась дать лучшее.

Тоска нахлынула внезапно. Разбередила давно уснувшие, подернувшиеся пеплом воспоминания. И в этом наверняка была доля вины фэйри, демон голода Мрот его дери! Флер дивных мог вывернуть все чувства наизнанку. Стереть границу реальности и фантазий, заморочить так, что и дракон не разберет, где у него хвост, а где крылья.

С усилием я заставила себя улыбнуться, запрятав непрощенные чувства поглубже, и посмотрела на Занозу. Он явно собрался о чем-то спросить. Но раздавшийся вой сирен опе-

редил его.

Законники примчались быстро. Я бы даже сказала, вопиюще быстро. Разговаривал с ними Заноза. И то, с каким почтением беседовали с фэйри законники, о многом говорило. Хотя... мне почудился легкий, едва уловимый флер дивно-го, направленный в сторону двуликих. Интересно, насколько оборотни подвержены влиянию сидхэ. Что-то подсказывало – весьма.

Грабителей уже арестовали и погрузили в фургон, когда один из офицеров обратился ко мне. Хотя я уже начала было надеяться, что обо мне случайно забудут.

– Так это на вас напали, госпожа... – законник замолчал, ожидая, пока я представлюсь.

– Ринли, – обреченно отозвалась я и, понимая, что, как ни оттягивай этот момент, он все равно настанет, добавила: – Бризроу.

Офицер дернул носом так, как это умеют делать только оборотни, вскинул на меня взгляд, который до этого был прикован к блокноту, что законник держал в руке, готовясь записать показания. И я, опережая уточняющие вопросы, подтвердила:

– Да, дочь той самой Бризроу.

Когда криминальные таланты твоей матери известны не только в Ринкоре, но и в Схине, такие вопросы задают часто. Наследие, от которого мне, кажется, никогда не избавиться. Мама была гениальным артефактором. Могла игра-

ючи взломать самое сложное плетение. Казалось, для нее не существует запоров и охранных заклинаний, но... Однажды она попалась.

А я осталась. Мне стоило невероятных усилий поступить в академию. Хотя и уровень дара был высокий, и знания – глубокими. В приюте я училась как проклятая. Порой ночевала в библиотеке, засыпая над книгами. Наверстывая общие дисциплины. А вот в магомеханике я и в пятнадцать могла дать фору дипломированным специалистам. И все же в первый год при поступлении я провалилась.

Потому что приемной комиссии нельзя было просто так взять и зачислить на факультет артефакторики дочь той, кто его когда-то окончила с отличием и... стала той, кем стала.

Но я была упряма и в следующий год пришла вновь. И среди прочих магов за столом оказался Катафалк. Отвечая на один из вопросов, я позволила себе уточнение, которого не было в программе. Это не укрылось от Грейта, и он перебил меня весьма неоднозначным вопросом, на который я высказала точку зрения, отличную от профессорской, и, слово за слово, мы начали спор. Я уже мысленно попрощалась с шансом поступить и на второй год, но...

Когда комиссия принимала решение о том, кого взять на факультет, я стояла под дверью, из-за которой доносились звуки яростного спора. И все чаще и чаще в нем звучала моя фамилия. А под конец из кабинета вылетел взбешенный Катафалк со словами:

– Не возьмете – уволюсь. Бездарностей я учу достаточно!
Дайте мне поработать с талантами!

И меня зачислили. И Грейт действительно работал со мной, спустив три шкуры и десять потов. А на пятом курсе, когда я робко постучалась к нему в кабинет с просьбой стать моим научным руководителем, он махнул рукой и подписал листок, пробормотав:

– Вас ведь все равно, кроме меня, никто не рискнет взять, а где одна третьекурсница и две выпускницы, и четвертой быть.

И тогда мне казалось: стоит защитить диплом, как я стану собой. Только собой. Выйду из тени матери, но... Реальность доказала: я ошибалась.

И вот сейчас, в лице законника, она вновь напомнила о себе.

Двуликий страж весь враз подобрался, став выглядеть в два раза строже, в три – суровее и в полтора – внушительнее. Последнее объяснялось тем, что оборотень раздался в плечах, частично трансформировавшись. Во всяком случае, на шее проступила серая шерсть, напоминавшая волчью, а глаза стали желтыми. Словно он ожидал: в любой миг я могу начать творить беззакония. Оптом и вразвес. И он должен будет непременно доблестно и отважно меня остановить и арестовать.

В общем, я ощутила себя жутко опасной.

И тут к нам подошла миниатюрная блондинка и, положив

свою руку на раздавшееся плечо двуликого, извиняющимся тоном произнесла:

– Простите. Малыш Джими у нас еще стажер и только учится... – И стало понятно: несмотря на то, что офицер стояла поодаль, она прекрасно слышала весь наш разговор с двуликим.

«Малыш» же, которому девушка едва доставала до груди, весь как-то стушевался и сдулся. И, чуть краснея, прогундо-сил:

– Извините, госпожа Мириам, то есть офицер Ниро. Я нечаянно... Просто нас в школе стражей на лекциях по истории взломов фамилией Бризроу проклинали. Вот я и это... того, машинально среагировал...

– Иди, Джими, давай дальше я сама, – махнула на стажера Мириам и, улыбнувшись, начала опрашивать меня.

Стандартные вопросы: во сколько все произошло? Чем угрожали?... Мириам задавала их спокойным, обыденным тоном, и вскоре мы закончили. Грабителей уже погрузили, законники начали садиться в служебный чабиль, когда фэйри, будь он неладен, выразительно хлопнул себя по карману со словами:

– Хм, странно. Они совсем недавно были здесь...

– Кто – они? – тут же проявил рвение стажер.

На него в этот момент косо посмотрела не только Мири, но и рыжий, похожий на лиса офицер, и двуликий громила, которого стражи называли Севом. Самый молодой, похо-

жий на пацана, страж и вовсе скривился, как от зубной боли, словно почувствовав неприятности. И они не замедлили появиться. Правда, в основном для меня.

Выяснилось, что из кармана пиджака у дивного исчезли золотые, жутко дорогие хроносы. А до этого, буквально пару минут назад, он разговаривал со мной. А я стояла близко. Настолько, что могла бы...

Нет, Заноза не обвинял меня. Ни в коем случае. Но этот гад так виртуозно недоговаривал всей правды, что через каких-то пару минут меня уже обыскивали. И... да! Нашли-таки демоновы хроносы.

От отчаяния я едва не взвыла. За что мне сразу столько бед? И на миг всерьез даже задумалась: как попасть в дурочки, которым исключительно везет? Туда просто так принимают? Или нужно заручиться рекомендациями парочки идиотов? Потому что невозможно же жить с моей удачей. Такая ненароком и убить может.

– Это не мое, – тут же холодно отчеканила я. – Мне подбросили.

– Да неужели? – хмыкнул Джими.

– Проверьте следы ауры. Если я держала хроносы в руках, то они обязательно останутся.

Мириам, которая и обыскивала меня в лайкровых перчатках, только кивнула и положила «улику» в бумажный пакет, поморщившись. Я отчасти ее понимала: только обрадовались, что можно ехать в участок и закрывать дело...

По итогу в центральное отделение законников отправились все. Я – в допросную, уже как подозреваемая. Дивный... Он тоже никуда не испарился. Скорее наоборот – конденсировался на стуле напротив меня, когда я отказалась отвечать на вопросы офицера и потребовала, чтобы фэйри не намеками, а прямо произнес, что это я украла у него хроносы.

Но, что самое удивительное, никаких обвинений не выдвинул. Зато с этим отлично справился офицер, который вел допрос.

– Чистосердечное признание... – с нажимом начал он, откинувшись на стуле, скрестил руки на груди и, перебив сам себя, закончил, произнеся мою фамилию так, словно это все объясняло: – Ну ты же Бризроу, поэтому сама все знаешь.

– А вы повторите, а то вдруг у меня девичий склероз. – Я мило улыбнулась, чем взбесила законника еще больше.

– Зря хорохоришься, девочка, – припечатал тучный двуликий офицер в годах.

Ему сдали меня, как только привезли в отделение. И сейчас он пытался по-быстрому закрыть свалившееся на него дело. А я этому мешала.

– У лорда пропали хроносы. И обнаружили их в твоём кармане, – меж тем гнул двуликий свою линию, протирая носовым платком лоснившуюся лысину. Не иначе как ту вытоптали гениальные идеи, что посещали голову законника и долго мялись перед тем, как зайти. – Смекаешь, чем это пах-

нет? Парой лет тюрьмы.

– Это официальное обвинение по результатам экспертизы? Если да, то я требую судебного защитника. Если нет, то я тоже его требую. – И, увидев, как перекосило блохастого, добавила: – Вы давите на меня, офицер. А у меня тонкая душевная организация. Могу не выдержать и того... решу покончить с собой.

Судя по лицу офицера, он очень бы хотел на это надеяться, но понимал: есть мечты, которые недостижимы. А все потому, что этот двуликий уже успел убедиться: моей нежной психикой можно двери выбивать. Причем бронированные.

– Будешь отпираться до последнего? – уточнил офицер.

– Буду говорить исключительно правду, – парировала я. – А она в том, что я невиновна. И вы не сумеете доказать обратное.

Двуликий на это коротко рыкнул и вышел из допросной, оставив меня в одиночестве. Правда, ненадолго. Оказалось, дивный хотел переговорить со мной тет-а-тет. Пару минут.

Я сидела за столом в антимагических браслетах. Ощущение, когда магия заблокирована, оказалось паршивее некуда. Но я и не думала сдаваться, помня основную судебную заповедь: там, где нет доказательств, в ход идет слово против слова. А наговорить я могла – как, впрочем, и дивный – много, вдохновенно и почти правдиво. Так что еще неизвестно, кто кого.

– Предлагаю сделку, – едва дверь за законником захлоп-

нулась, без обиняков начал Заноза, перейдя на «ты». – Я сниму все обвинения, если ты окажешь мне одну услугу... Ведь, насколько я понял, у тебя не самые теплые отношения со стражами...

– Обвинения и так снимут. – Я старалась держать лицо. Маска холодной надменности удалась мне особенно хорошо. А чуть насмешливо приподнятая бровь заставила фэйри стиснуть зубы так, что обозначились желваки. И я, отбросив велеречивое «вы», тоже решила, что хватит с меня этикетов: – Так что тебе даже не стоило и начинать. И да, то, что ты предлагаешь, – это не сделка. Это шантаж. Не нужно избегать или бояться этого слова. Я, например, не боюсь.

– Ты так уверена? – Дивный привстал со стула и, оперев ладони в столешницу, подался вперед, нависнув надо мной.

– Это игра на моем поле. Закон и его грани – моя стихия, – ответила с вызовом и, приподняв запястья над столешницей, отчеканила: – Это временное явление. А я умею ждать. И получать то, что хочу.

Я говорила уверенно. Вот только внутри этой абсолютной, непоколебимой уверенности не было. Криворукий эксперт-артефактор или желание выслужиться перед дивным, даже банальная случайность – и все могло сложиться для меня весьма нерадушно.

Но, пока я блефовала, у меня был шанс.

– Хорошо, чего *ты хочешь*? – опускаясь на стул, спросил фэйри. Вопрос прозвучал как удар хлыста. Коротко, зло.

– Отпечатанную на денежном станке свободу, – спокойно и даже буднично отозвалась я.

И на миг показалось, что эта моя невозмутимость выбежала хладнокровного дивного больше всего. И я решила добить:

– Но прежде хочу знать, что за услуга от меня требуется. Предупреждаю сразу: за незаконные дела не берусь.

Впрочем, на миг прикрыв глаза, Заноза тут же взял себя в руки:

– Не переживай, ничего не нужно будет красть и никого устранять. Скорее – помочь мне найти одну вещьцу...

– Какую? – допытывалась я.

– Это я смогу тебе сказать лишь после заключения договора, – отрезал фэйри и поинтересовался суммой за мои услуги.

Я не стала скромничать. Дивный согласился с названной цифрой. И когда он так легко принял мои условия, я не выдержала, позволив себе язвительность:

– Скажи, а напрямую предложить мне сделку было слабо? Зачем это обвинение в краже? Шантаж?

– Вы, люди, любите деньги. Вас так легко не только купить... – «Но и продать» он не сказал. Только домыслить это труда не составило. Дивный на пару мгновений задумался, а затем произнес: – А мне нужна, – он замолчал, подбирая слово, – преданность.

Как я смогла удержать лицо – сама не знаю. Потому что

в этот момент хотелось побиться головой о стену. Логика фэйри выносила мозг напрочь. С разбега. Но я все же взяла себя в руки, дав мысленный зарок: я обязательно проорусь. Непременно. Сегодня вечером. Когда буду в своей съемной комнатухе одна. А пока, обратившись к своей нервной системе, подумала: «Крепись, зараза, крепись!»

А Заноза меж тем окинул меня задумчивым взглядом и задал неожиданный вопрос:

– Ты ведь шла с собеседования? – И пояснил: – Я слышал, как тебя опрашивали. И как? Оно прошло удачно?

Мне очень хотелось сказать «да», но... густая волна флера, обрушившаяся на меня внезапно, застала врасплох. И я невольно ответила правду:

– Нет.

– Странно... – меж тем произнес дивный. – Сильный артефактор. Диплом с отличием... Такого специалиста должны отрывать с руками... – задумчиво протянул Заноза, на несколько секунд замолчав. А потом, будто сложив в голове рисунок мозаики из обрывков моих разговоров с законниками, упоминания о доме Чужих Стен и еще демоны знает чего такого, на что я сама не обратила внимания, вплоть до отголосков эмоций, он задал контрольный, как выстрел, и единственный, как последний шанс, вопрос: – Дело в фамилии?

Я ничего не ответила, выбрав для себя молчание. Но, видимо, взгляд все же выдал. Да, демоны дери, моя фамилия закрывала передо мной любую дверь, кроме тюремной, ко-

нечно же.

Заноза побарабанил пальцами по столу, выдохнул, словно приняв решение, и произнес:

– А если я гарантирую, что ты после того, как вернешься из Долины Холмов, станешь одним из самых востребованных артефакторов столицы? И всем будет плевать, что ты Бризроу.

– Ты дашь мне другую фамилию? – сыронизировала я, прекрасно понимая, что даже если это и произойдет, то работодатель на раз узнает мою прежнюю.

– Лучше, – жестко усмехнулся фэйри. – Такие рекомендации, которые перечеркнут все темные пятна на *твоем* имени.

Мои пальцы на миг дрогнули. Этот фтырхов фэйри умел добиваться своего. Определенно умел. Теперь я была действительно заинтересована в том, чтобы найти то, что у него пропало.

– Хорошо, – выдохнула я и через стол протянула Занозе ладонь для рукопожатия.

Мне было плевать на то, что при этом лязгнула цепь наручников, а второе запястье дернулось следом за первым. Фэйри это не смутило тем более.

– Тогда я, Эрнилор Стиллварэль, со своей стороны обещаю тебе, Ринли Бризроу, что не только выплачу названную тобой сумму, но и помогу решить вопрос с твоим именем и репутацией оного, если ты при этом поможешь мне обрести то, что украли у моего рода.

– Идет, – криво усмехнулась, прекрасно понимая, что с фэйри простых уговоров не бывает. Только сделки, условия которых ни мне, ни Занозе не даст нарушить магия сидхэ.

Пальцы дивного коснулись моих. Миг. Нет, сотая доля мига, когда мы дотронулись друг до друга ладонями, мимолетными взглядами, – и нас обоих словно закоротило. Чувство близости. Настоящей. Острой. Внезапной, как удар молнии, после которого ты теряешь ориентацию во времени и пространстве. Мы смотрели неотрывно друг другу глаза в глаза, забыв о целом мире вокруг.

Хлопнувшая дверь заставила нас вернуться в реальность.

Я сглотнула. Заноза шумно выдохнул и прикрыл глаза. Но ни он, ни я не отдернули рук. Лишь спустя несколько секунд медленно синхронно разжали. А затем Нил сухим, царапающим своей официальностью голосом произнес, даже не обернувшись к вошедшему в допросную офицеру:

– Мы договорились с мисс Бризроу. Я думаю, что с этой минуты она может быть абсолютно свободна.

– А как же кража... – растерялся законник, переводя взгляд то на меня, то на фэйри.

– А разве она была? – иронично осведомился Нил. – Лично я ничего подобного не говорил.

– Но ваши хроносы?.. – двуликий не успел договорить, как Заноза его перебил:

– Мисс Бризроу любезно их нашла, – с сарказмом произнес дивный. Я про себя поддакнула, что да, конечно, нашла.

У себя в кармане. А фэйри меж тем продолжил: – И наверняка хотела вернуть их мне, но не успела, вмешались вы, обвинив девушку...

У офицера на такое заявление даже слов не нашлось. Только рык с матерными нотками, который донесся из трансформировавшейся глотки. Да и черты лица перевертыша как-то неуловимо стали напоминать звериные. А поднявшаяся в оскале верхняя губа и вовсе обнажила удлинившиеся клыки. Лично на меня это произвело впечатление. И пусть в стул я не вжалась и не позволила себе выказать страха, но внутри вся подобралась, готовая к тому, что чаша терпения оборотня не просто вот-вот переполнится, а прямо-таки разобьется вдребезги.

Но этого не случилось. За долю секунды в допросной вдруг стало так холодно, что показалось: даже воздух в горле превратился в колкий лед, способный рассечь твое тело изнутри.

– Не стоит этого делать, если жизнь вам еще дорога, – чуть повернув голову в сторону офицера, отчеканил дивный. – Как и забывать, кто вы и кто я.

А затем все схлынуло. И стало понятно: дело не в температуре, она осталась в допросной такой же. Просто фэйри вновь развернул шлейф своего фтырхова флера! И меня задело лишь его краем.

Я увидела, как на висках офицера выступил холодный пот. И больше вопросов ни мне, ни Занозе перевертыш не зада-

вал. А спустя четверть часа я и вовсе вышла из отделения законников. И к обретенной свободе получила еще и абсолютную уверенность: все случившееся сегодня со мной в подворотне было подстроено. От начала и до конца. И организатором моих неприятностей выступил шедший рядом фэйри.

А то, как талантливо Заноза сыграл «озарение» в допросной... Этот дивный все прекрасно знал. И обо мне, и об особенностях моей фамилии... Но я в первый момент купилась. Исполнение слишком уж заветной мечты пообещал этот дивный... гад!

Чтобы проверить свою догадку, спросила наобум:

– Я так понимаю, что и практика в Долине Холмов с профессором Грейтом уже согласована?

По взгляду, который бросил на меня Заноза, я поняла, что смогла удивить этого непрошибаемого гада. А еще – да, распределение – вопрос почти решенный.

– Как догадалась? – остановившись на нижней ступени отделения, спросил дивный.

– У меня вопрос лучше: ты сразу планировал довести все до ареста?

– Вообще-то нет, – поджав губы, выдохнул фэйри. – Я должен был лишь спасти тебя от грабителей. Но ты оказалась столь... – Он на миг замолчал, словно подбирая слова, а потом продолжил: – Самодостаточной и активной, что пришлось спасать уже их. И ситуацию в целом.

В прозвучавших словах было столько всего невысказанно-

го... Похоже, невозмутимого дивного, привыкшего все держать под контролем, невероятно раздражала моя непредсказуемость.

– Извинишься? – намекая на подкинутые хроносы, спросила я и сложила на груди руки с видом «и с места не тронусь!».

Вокруг на улице бушевала весна, а внутри меня – буря злости. Дивный гад бесил! Неимоверно.

Я стояла на ступень выше Занозы, отчего наши лица были почти на одном уровне. И я видела, как в синей глубине глаз дивного сверкает отточенная сталь. Я его явно бесила, хотя ничем, кроме взгляда, он этого не выдавал.

Говорят, фэйри в гнев смертельно опасны. Но у меня страха не было. Я чувствовала, как в этот миг натянутые до предела канаты моих нервов рвутся нить за нитью. Как психика разгоняется на полную, с нуля до сотни, за долю секунды. Но не для истерики. Для мести, которую я умела готовить по всем правилам вечной мерзлоты.

Но один гад, словно испытывая мою выдержку, невинно уточнил:

– Извиниться? За то, что благодаря мне ты получила шанс заработать внушительную сумму и приобрести хорошую репутацию?

Я постаралась не выказать эмоций, но... если одного фэйри как-то утром найдут придушенным до смерти носовым платком, то я тут буду ни при чем! Почти. Наверное. Но о

хорошем судебном защитнике стоит подумать уже сейчас.

Меня так и подмывало ответить, что я и так благодаря Занозе заработала уже целое состояние. Предынфарктное. Но вслух произнесла другое:

– Как интересно ты произносишь словосочетание «прошу прощения». – И мило улыбнулась, отчего у фэйри дернулся глаз. И довольная тем, что таки выбесила, сменила тему: – Теперь-то ты можешь мне наконец сказать: зачем именно я тебе понадобилась?

– Не именно ты, а отличный специалист-артефактор женского пола, достаточно сильный, ловкий, смелый и способный находиться рядом с фэйри.

– То есть я? – уточнила у Занозы, иронично приподняв бровь.

– Ты под эти требования подошла. Даже последнему пункту соответствуешь. Хотя над ментальными щитами все же стоит еще поработать, – критически заметил мой работодатель и неожиданно признался: – Изначально я планировал, что будет другая выпускница. Но возникли некоторые сложности...

Я про себя хмыкнула, наслышанная об этих огнедышащих крылатых «сложностях»: недавнюю свадьбу моей одногруппницы – Скайрин Файн – в столице не обсуждал только ленивый. А отжать молодую жену у дракона для тиббенойских служебных нужд, похоже, не вышло даже у Занозы.

– А почему именно девушка? – уточнила я.

– Потому что юноша может заинтересовать королеву Мэб. А она не любит делиться своими игрушками. Особенно новыми...

«Отжать понравившегося правительнице парня будет еще тяжелее, чем жену у дракона», – поняла я.

– Ты разузнал все обо мне, организовал нападение, шантажировал... Что такого у тебя похитили, раз ты приложил столько усилий, чтобы нанять меня?

– У моего рода украли холм, – произнес дивный как само собой разумеющееся.

– Холм? – Я едва не закашлялась и решила уточнить, памятуя о специфическом юморе фэйри: – Издеваешься?

Сначала было подумала, что это название артефакта, но нет. Это оказался действительно... холм. С травкой, кустиками, мышинными норами...

И в похищении не обошлось без артефактов и... железа. С последним же у дивных были особые отношения: они этот металл терпеть не могли! В отличие от магомехаников.

Глава 2

Я стояла, смотрела на невозмутимого господина Занозу, который только что изложил мне суть своей проблемы и мою роль в решении оной, и понимала: при общении с этим дивным гадом для сохранения нервной системы нужно жрать пустырник. В поле. Прямо стогами. И глотать пучки этой чудесной травы, не разжевывая.

Потому как я даже не представляла, как можно было украсть Холм. Не говоря уже о том, с чего начать поиски пропажи. Вариант с расторжением договора в данной ситуации был для меня, конечно, самым соблазнительным, но и столь же несбыточным.

О последнем напомнил сам фэйри, видимо прочтя что-то такое, с матерно-дезертирским подтекстом, в моем взгляде.

– Учти, ты заключила магический контракт. Нарушишь его – полностью лишишься магии.

– А если ты? – уточнила я, ища лазейку: запасной план лишним никогда не будет. Этому мама меня научила сизмальства.

– Что я? – насторожился фэйри, почувствовав, что мы с ним вновь ступили на тонкий лед интриг.

– Если нарушишь договор ты, то моя магия, выходит, останется при мне, а контракт будет считаться закрытым?

Заноза столь громко промолчал и выразительно сверкнул

глазами, что я поняла: все именно так, как я и предположила. И от этой мысли не смогла не улыбнуться. Коварно. Одними уголками губ. Но дивный гад заметил.

Думала, ответит мне какой-нибудь колкостью, но нет. Заноза предложил подвезти меня в столь поздний час до дома. Правда, не преминул заметить, что скорее опасается не за мое доброе здравие, а за столичные банды.

Садясь в солидный черный чабиль бизнес-класса, а не удержалась от встречного ироничного замечания:

– Думаю, мой адрес называть не имеет смысла, ты и так знаешь...

– И в кого ты такая догадливая? – саркастически уточнил дивный, причем в его исполнении это звучало с намеком, что я не умная, находчивая и вообще замечательная, а скорее гадина.

– Наверное, в папочку-сидхэ...

Я произнесла это ровно в тот момент, когда чабиль тронулся. И дивный, услышав мои слова, резко ударил по тормозам, отчего элементали в цилиндрах двигателя возмущенно фыркнули, а сама машина резко дернулась вперед и замерла на месте.

– Сидхе? – недоверчиво переспросил Заноза.

Мне показалось, что у дивного даже ухо дернулось от избытка чувств. А я невозмутимо продолжила:

– Ну или дракона, или вампира, или человека... В общем, мама не рассказывала. Но если во мне проявлялись те черты

характера, которые ее раздражали, то это было непременно в отца, — с невинным видом закончила я.

И по тому, как Нил вдавил педаль газа и, выкрутив руль, рванул с парковки, я поняла: мне удалось то, перед чем пасовали матерые дипломаты-вампиры. Я достала до печенок всегда невозмутимого фэйри!

Чабиль мчался по вечерним улицам столицы, над которыми плыл аромат цветущих акаций и жасмина. Заноза, то есть Нил, вел машину уверенно, объезжая пробки еще до того, как они успели показаться на горизонте. И карту-навигатор даже не включил. Так, словно родился не в своих Холмах, а в Эйлине и знал столицу вплоть до последней подворотни.

Центральные респектабельные высотки сменились сначала историческими невысокими домиками, потом спальными районами, а затем и окраиной.

Чабиль остановился у многоэтажного здания. Человейник — как называли такие за сходство с муравейником. Множество узких окон, расположенных близко друг к другу. Перед одними из них торчали коробки охлаждающих воздух артефактов, перед другими — сушилки с развешенным бельем. А третьи украшали рогатые чаротены, ловившие сигнал для визоров. Из-за этого свободного пространства на стенах практически не оставалось. И казалось, что дом-свечка сплошь покрыт «бородавками».

Но муниципалитету было на внешний вид здания плевать хотя бы потому, что представители администрации загляды-

вали сюда крайне редко. И очень быстро: райончик-то не из самых спокойных. А жителям тем более было без разницы. Главное – удобно.

Мне же свыкнуться с видом дома помогла арендная плата. Она была небольшой и потому подъемной для скромной студентки, жившей на стипендию и подработки. Часть из этих денег уходило еще маме – на передачи.

Да, порой я злилась на Мэй Бризроу, осуждала ее поступки, но... Она была мамой и заботилась, растила. Хотя ей было тяжело делать все в одиночку. Но она всегда была со мной. Сидела ночами у моей постели, когда я болела. И я всегда знала: что бы ни случилось, какую бы ошибку я ни совершила, мама будет рядом, поможет, поддержит, не отвернется от меня. И я от нее тоже.

Поэтому каждый месяц я выкраивала часть денег и шла в магазин, чтобы собрать передачу. А остальная сумма как-то быстро и неувлимо растворялась в расходах на аренду комнаты, продукты, скромную одежду из лавки поношенных вещей...

– Кажется, это здесь, – произнес дивный, разглядывая мой «дом в бородавках». Звучавшее в голосе сомнение было столь явным, почти осязаемым, что его можно было резать ножом.

Я заверила, что да, действительно, это мой дом, а не притон. Но на чашку чая, извините, пригласить не хочу. Хотя, судя по виду фэйри, тот и не жаждал подобного предложе-

ния. Я про себя усмехнулась: обычно это люди опасаются угощаться в Холмах едой фэйри. А у нас с Занозой – наоборот.

Распрощались мы с дивным быстро и по-деловому, договорившись, что завтра встретимся в десять утра в академии. Там мне нужно будет подписать документы на стажировку под бдительным оком Катафалка.

Закрыв дверцу чабия, направилась к подъезду. Очень хотелось оглянуться. Не знаю почему, но чувство было почти нестерпимым. Оно зудело на кончиках пальцев, пронзало каждый мускул, каждый нерв моего тела. Но я упрямо двигалась вперед. И весь тот короткий путь от машины до ступенек чувствовала пристальный взгляд Занозы, который, словно стрела, застрял меж моих лопаток. И только оказавшись внутри здания, рядом с исписанной красками кабиной скрипучего лифта, я осознала, насколько неестественно прямо держала спину, пока шла сюда.

Фтырхов фэйри, гремлины его побери! Бесит. Эмоции, которые я так старательно контролировала, прятала под маской невозмутимости, рвались наружу.

Я с силой вжала кнопку вызова. Вверху что-то скрипнуло, потом затрещало, и кабинка нехотя поползла вниз.

Спустя полминуты дверцы, лязгнув, резко раскрылись передо мной, я шагнула в лифт, напоминавший прокуренную до потрохов глотку дракона. Темный, мрачный, со специфическим душком – этот подъемник был испытанием не для

слабонервных.

– Только попробуй застрять – разберу до винтика и развею, – обращаясь к элементалю, обитавшему в лебедочном механизме, пообещала я.

Видимо, сегодня мой голос был особенно выразительным. Кабинка не только домчала меня в считанные секунды до нужного этажа, но даже и не скрипнула, что для нее было равнозначно чуду.

Я одернула лацканы пиджака и пошла к своей двери. Открыв ее, шагнула в съемную комнату. Щелкнула по выключателю, и мое скромное жилище озарил приглушенный свет. Диван, стол с единственным стулом, шкаф, рядом с которым небольшая комнатка (хотя точнее – закуток) с душем и туалетом. Вдоль одной из стен – кухонная зона с плитой, мойкой и холодильным шкафом. Вот и все. Шагов десять в длину и столько же в ширину – все мои «шикарные» апартаменты. Зато в них была я и только я.

Я сняла с ног туфли и едва не застонала от блаженства. Все же есть в мире вещи, которые гораздо лучше занятий любовью и даже сладкого, – например, снять вечером обувь, которая тебе жала и натирала весь день.

Но я ограничилась туфлями, поставив их у входа. Потом достала вешалку из шкафа. На нее легла почетная миссия по сохранению моих брюк и пиджака в аккуратном, не мятом состоянии. И, лишь переодевшись в халат и тапочки, сделала то, что делает каждая женщина после тяжелого дня, что-

бы обрести душевное и телесное спокойствие, — как следует прооралась. Правда, в подушку. А потом ее же поколотила, представив на месте наволочки одного дивного гада. И, увлекшись, не заметила, как призвала силу и... в общем, спустя секунду по моей комнате уже кружили пух и перья.

Пришлось прервать сеанс психотерапии на дому и заняться уборкой. Заклинание сбора мусора и пыли сработало почти отлично. «Почти» — это потому, что посчитало лежавший на стуле, выдавший виды кошелек тоже мусором. Но я бдела и вовремя успела выудить бумажник из кучи, прежде чем та оказалась в ведре.

И едва я закончила, как о себе напомнил желудок. За единственным окном уже царила глубокая ночь, готовить особо не хотелось, а вот есть — еще как. Потому я достала из ящика сковородку. Старая, тяжелая, чугунная — она была отличным средством как для самозащиты, так и для самоубийства. А судя по уродливому виду этой утвари, на ней с успехом можно было пожарить как картошку, так и грешников в преисподней.

Но сегодня я решила, что пожарю омлет.

Ужин немного примирил меня с действительностью. «Что ж... значит, будем искать холм, — решила я, водя вилкой по пустой тарелке. Правда, пока даже смутно не представляла, как это делается и с чего нужно начинать. Опросить свидетелей? Осмотреть место преступления? Составить список тех, у кого были мотивы...»

Но наверняка Заноза это и без меня уже сделал. И если дивный гад вынужден искать помощь на стороне, значит, он ничего не обнаружил.

«А что, если думать не как найти, а как украсть? – пришла в голову неожиданная мысль. – Что, если бы я была воровкой и получила столь специфический заказ? С чего бы начала, какие артефакты использовала и где бы их раздобыла?»

С такой точки зрения задачка показалась куда интереснее. Я подняла голову и встретила в окне с собственным отражением. И увидела в зелени своих глаз тот блеск, который часто замечала у мамы... Это был азарт.

Я всегда считала, что мы с Мэй Бризроу похожи не больше, чем вода и первач: на первый взгляд, когда обе жидкости плещутся в стакане, и не отличить. Но поднеси к одной горящую спичку – и полыхнет пламя, а ко второй – от спички останется холодный мокрый остов.

Полагала, что мама как огненная вода – обжигающая, загорающаяся, способная опьянить своим азартом. А я – спокойная гладь реки, что зимой несет свои воды под коркой льда. Хотя знавшие меня выражались порой куда как более кратко и емко. И «расчетливая стерва» было одним из самых мягких эпитетов.

А вот сегодня оказалось, что в этой холодной глубине горит мамин огонь. Плохо ли это? Или хорошо? Я не знала. Но посчитала, что для меня все же хорошо, а вот для дивного гада, шантажом вынудившего меня сотрудничать, однознач-

но будет плохо. Потому что нельзя просто так взять, разозлить Ринли Бризроу и не отхватить за это минимум нервный срыв.

С такими мыслями я и легла спать. А утром поняла, что грядущий новый день пройдет у меня под эгидой справедливости. Потому что в тех случаях, когда просыпалась сама, я была доброй, а когда меня будили – живым воплощением беспристрастного правосудия.

Восстав из кровати с грацией умертвия, выбирающегося из гроба, я добрела до стола, на котором от трели разрывался переговорный артефакт. Самоубийцей, жаждавшим общения со мной, оказался Катафалк.

Я приняла восток и услышала категоричное:

– Бризроу, ты когда придешь подписывать документы на стажировку?

– И вам доброго утра, – глянув на хроносы, показывавшие ровно восемь утра, отозвалась я. – А надо?

– Это ты лучше не у меня спроси, а у фэйри, который уже пять минут сидит у меня в кабинете и расходует мой воздух, мое время и мои нервы, ожидая тебя! – отозвался Катафалк таким сварливым тоном, который способен проделать дыру не только в совести, но и в бетоне.

– Хорошо. Сейчас приеду, – произнесла я обреченно и запоздало уточнила: – А документы на мою стажировку разве уже готовы?

– Уже пару дней как готовы, – недовольно произнес про-

фессор Грейт и отключился.

Зато я от этих слов проснулась в один миг. Так-так-так, значит, один дивный гад был абсолютно уверен, что я соглашусь. Ну... Заноза!

Собиралась я стремительно. И не знаю, что меня больше поторапливало: боязнь подвести Грейта и опоздать или желание придушить господина Занозу. Я носилась по комнате, одновременно причесываясь, чистя зубы, одеваясь и матерясь. Последнее удавалось лучше всего.

Уже натягивая черные джинсы и водолазку, подумала: может, стоило все же выбрать вчерашний костюм, который у меня был припасен для важных встреч? Но потом решила, что «собеседование в подворотне», состоявшееся с фэйри накануне, я успешно прошла. Работодатель уже увидел меня красивую и даже нанял. Так что пусть теперь любитесь мной деловой.

С этими мыслями накинула на плечи короткую кожаную куртку, всунула ноги в кроссовки и, подхватив сумку, выпустила из дома.

Я неслась по улицам рабочего квартала так, что казалось: еще немного – и пойду на взлет. Сердце билось в груди как бешеное, я глотала воздух открытым ртом, а пульс стучал в висках набатом. Я так разогналась, что в чаробус, который как раз распахнул свои двери на остановке, влетела на манер тарана. Хотя, судя по тому, как салон был набит битком, в него даже блоха не могла просочиться. Я же оставила позади

других потенциальных пассажиров, оказавшихся менее целеустремленными, и смогла втиснуться в людской монолит чаробуса.

Сзади раздалось то ли возмущенное, то ли восхищенное:

– Ты посмотри, какая зараза!

– Да, наверное, что-то стащила, вот и тикает! – со знанием дела отозвался кто-то.

Причем последняя фраза прозвучала так скучно и буднично, как это может быть только в районе Нижней Отры. Хотя здешние улицы, чуть поодаль от которых начинались корабельные доки, именовали Кварталами Сорока Парней. В честь банды, слава которой полвека назад гремела не только на всю столицу, но и на всю страну. И пусть время прошло, законники, устроив крупную облаву с перестрелками, смогли арестовать главаря и пересажать почти всю группировку, но название «Сорок Парней» прижилось и осталось. И уже мало кто помнил, что число обозначало не количество бандитов, а почтовый индекс Строительных верфей сорок.

Меж тем чаробус со скрипом захлопнул двери и натужно поехал в гору. Элементали в цилиндрах двигателя возмущенно пыхтели, пассажиры вторили им. А я почувствовала, как ловкая ручонка стоявшего рядом парнишки ныряет в мою сумку. Едва мой пустой кошелек перекочевал в руки воришки, как я сочла, что теперь вправе позаимствовать его портмоне.

И, завладев последним, я невинно подняла добычу к ли-

цу и поинтересовалась у щипача, не это ли он искал у меня. Сначала лицо юного карманника побагровело от возмущения (Как так? Он тут трудится в поте лица, а его попытались обокрасть?!), но потом побледнело. Видимо, он сообразил: раз не смог почувствовать, что его обнесли, значит... Не знаю, что именно вообразил себе мальчишка, но с пиететом вернул мне мой кошелек... Я хмыкнула: далеко пойдет. А когда, выйдя из чаробуса, заглянула в недра бумажника, то поняла: однозначно далеко! Мало того, что мне вернули умыкнутое, еще и пару купюр туда вложили!

А я ведь даже магии никакой не успела применить. Лишь неповторимое обаяние семейства Бризроу. Но, увы, оно оказалось недостаточно, чтобы смягчить негодование Катафалка.

Профессор Грейт обнаружился у себя в кабинете. Он сидел за столом, и горы бумаг, что его окружали, могли бы погresti под собой любого, но только не великого артефактора. Профессор яростно сражался с документами, а еще пристально бдел за одним фэйри, который вольготно разместился в кресле у стены и попивал кофе. Судя по выражению лица дивного, напиток мог быть в равной степени разбавлен как молоком, так и стрихнином. Хотя профессор Грейт был интеллигентным и воспитанным человеком. Он не позволил бы себе угощать гостя столь противным ядом. Только сладковатым цианидом!

– Доброе утро! – поприветствовала я господина Занозу и

профессора оптом.

– Это сугубо ваша оценка, не нужно думать, что все присутствующие разделяют это мнение, – сухо заметил профессор, чуть приспустив элегантные очки и посмотрев на меня поверх них.

– Тогда недоброе утро, – тут же нашлась я, припомнив, как однажды, в канун Новогодия, к нам в приют пришла пара выбрать себе «приличного и красивого ребенка, но достаточно взрослого, чтобы не нужно было менять пеленки и воспитывать». Точно это был кусок мяса или породистая болонка, а не живой человек. Их чем-то тогда привлекла я, тощая, нескладная, с копной рыжих, вечно взлохмаченных волос. Единственное, что во мне могло быть в ту пору симпатичным, – это большие зеленые глаза. У мисс, пришедшей с супругом, был похожий оттенок, да и ее блондинистая шевелюра давала рыжеватый отлив. Видимо, дама посчитала, что вместе мы будем смотреться... гармонично.

Так вот, тогда, помнится, я пожелала ей счастливого Новогодия. Она, поджав губы, ответила, что в их семье не принято отмечать этот праздник. Ну, я тут же исправилась и добавила: «Тогда несчастливого». На этом рассмотрение моей кандидатуры в качестве приемного ребенка закончилось.

Вот и сейчас Грейт, услышав от меня, собственно, то, что он и хотел услышать, хмыкнул и, никак не прокомментировав сказанное мной, перешел к делу:

– Бризроу, подписывай документы на стажировку. – И пе-

редо мной легла пухлая стопка.

Я присела на стул, что стоял рядом со столом, и, взяв услужливо протянутую ручку, начала читать. Вдумчиво. А потом задала вопросы по всем сомнительным пунктам. Например, о «надлежащем выполнении всех задач, поставленных руководителем».

– А что, если в ходе стажировки мне прикажут нарушить закон? – И выразительно скосила взгляд в сторону господина Занозы.

Тот, словно речь была и не о нем, невозмутимо отхлебнул кофе. Но потом все же соизволил ответить:

– В Долине Холмов превыше людских законов – Вир гэр Хоу, – веско произнес Нил. – И судить, если что, будут по ним меня, поскольку я несу за тебя ответственность.

Не сказать, чтобы это сильно меня успокоило. Дивные – те еще дипломаты и хитрецы. И сдается мне, что вздумай двое фэйри судиться не у себя в Холмах, а у нас в Эйлине, дали бы десять лет. Прокурору.

Так что я позволила себе усомниться. Заноза на это нервно дернул ухом. Катафалк же, напротив, разулыбался, словно отец, что гордится первыми шагами своей маленькой дочки, которая только-только встала на ноги.

– Я же вас, уважаемый лорд, предупреждал, что Бризроу – замечательный артефактор, одна из лучших выпускниц. – И вроде бы Грейт похвалил, но так предостерегающе... В духе: «Она вам покажет, где цверги пещеры роют. Может, одума-

етесь, господин лорд, пока не поздно, и откажетесь?»

Но Заноза предупреждению не внял.

– Мне именно такой и нужен был. Поэтому мы и договаривались о стажировке Скайрин Файн.

– Хотели Файн, а случилась Бризроу, – фыркнул преподаватель, явно не желая отпускать меня в Холмы. – Брать будете?

– Думаете, я неделю с вами торговался, чтобы сейчас отказать? – вскинул бровь дивный гад.

– Но понадеяться-то я мог? – в тон ему отозвался Катафалк. – И да, мое условие остается неизменным – вернуть мне Бризроу в целости, сохранности и незамужней! – последнее слово он произнес – словно кувалдометром ударил.

И дивного проняло. Маска каменной невозмутимости пошла трещинами.

– Простите? – уточнил Нил.

– Прощаю, хоть вы у меня и не занимали, – великодушно отозвался Катафалк и пояснил: – У меня за прошедший год трех адепток замуж утащили. Одна третьекурсница и две выпускницы. Эта – последняя. И если и она... – Грейт, не договорив, оборвал сам себя, но мне стало понятно: у фэйри исчезнет не один Холм, а сразу долина. Вся. Целиком. Потому что нельзя просто так взять и выбесить Ульриха фон Грейта без последствий.

Заноза в ответ так громко промолчал, что воздух в кабинете накалился. А я вдруг представила, *как* шел торг... пар-

дон, переговоры между этими двумя за мою стажировку, даже если сейчас, когда стороны пришли к соглашению, того и гляди присутствующих шарахнет молнией, столько электричества было разлито вокруг.

Я решила, что стоит поторопиться с подписанием документов, пока меня случайно нешибануло разрядом. И когда протянула стопку листов с моими автографами профессору, Грейт, почти не глядя, поставил свой росчерк в нужных местах и передал мне все обратно со словами:

– Забирай свои документы и своего фэйри.

Я выразительно посмотрела на сидхэ, намекая, что он не мой, а сам по себе, самодостаточный, к тому же расположился в кабинете профессора, так что скорее Заноза профессорский.

Но Катафалка какими-то там взглядами было не пронять.

– Не думал, что ты согласишься, – чуть слышно прошептал он.

– Меня вынудили, как, полагаю, и вас.

Всего одна фраза, но у Катафалка исчезла жесткая складка губ, а взгляд стал чуть мягче.

– Если понадобится – звони в любое время.

Я коротко кивнула.

И Катафалк, обойдя стол, подошел ко мне, обнял, словно на прощание, и прошептал так, чтобы Заноза не слышал:

– Дело явно нечисто. Когда они сделали запрос о стажировке Файн, я ничего не заподозрил, но сейчас этот дивный

проявляет излишнюю активность. Но я не имею объективных причин, чтобы отказать. Так что будь осторожна.

Строгий, требовательный, неуживчивый, мизантроп – многие адепты знали профессора только таким. Но для меня он был гораздо больше, чем просто преподаватель. Магистр увидел во мне меня, мой дар, знания, а не только дочь Мэй Бризроу. И я безгранично уважала Грейта, как Наставника, как Мастера, как Человека.

А что до особенностей характера Катафалка... Ну должен же быть у гениального мага хоть один маленький недостаток?

– Буду, – коротко ответила я, обняла наставника чуть сильнее, а затем отстранилась.

И тут же наткнулась на недовольный взгляд Занозы. Интересно, отчего бы дивному гаду быть раздосадованным?

Вопрос так и остался без ответа, потому как Заноза, поднявшись со своего места, поблагодарил за вкусный кофе (я специально посмотрела на чашку – напиток там осталось больше половины) и заверил, что лично проводит меня до канцелярии.

Я кинула прощальный взгляд на сурового Катафалка и вышла из кабинета. Едва дверь захлопнулась за дивным, я твердым тоном произнесла, что в родной академии как-нибудь не заблужусь и донесу документы до нужного места сама. Удивительно, но дивный гад спорить не стал. Только сухо сообщил, что сегодня в четыре часа я должна буду прибыть к зданию консульства фэйри с вещами и быть готова отправить-

ся в Долину Холмов. А для того, чтобы я беспрепятственно смогла пройти через охрану, Заноза даже выдал мне пропуск – серебряную пластинку-медальон на цепочке – и сообщил номер кабинета, в котором будет меня ждать.

На этом мы и расстались. Я пошла относить бумаги, Заноза – просто пошел. Хотелось бы, чтобы куда подальше, но, сдается, просто по своим дивным делам.

В канцелярии половину бумаг у меня забрали, вторую – украсили кучей печатей и штампов и вновь вручили мне. Когда я вышла со всеми документами, хроносы показывали одиннадцать. И я поняла, что жутко голодна. С утра из-за активности одного фэйри, который умудрился раздраконить своей невозмутимостью Катафалка, я не успела позавтракать и сейчас... Купюры, услужливо подкинутые мне в кошелек, пришлись как нельзя кстати.

На них в ближайшем от академии кафе на колесах я купила большую порцию закрутки. Она представляла собой лепешку, в которую были завернуты листья салата, тонко нашинкованные огурцы, капуста, жаренная ломтиками картошка и копченая курочка. Много курочки. И все это под фантастически вкусным соусом, который пропитал все слои.

Этот сытный рулет, горячий, только что поджаренный с обеих сторон до хрустящей корочки у лепешки, исходивший паром и невероятно аппетитным ароматом, был умопомрачительно вкусный. Я жевала его с наслаждением и в этот миг была безгранично, почти запредельно счастлива.

А вокруг буйством красок цвела, пела, распускалась сама жизнь. Отра, в Новогодие скованная льдом, сейчас вновь несла свои воды к заливу, последний снег давно растаял и превратился в полноценную весну. И ее ветер, ласковый, но обманчивый, сейчас трепал мои волосы.

На миг задумалась: а какая она, весна, в Тиббенойской долине? И что ждет меня в Холмах? Я слышала о них мало, очень мало. О закрытом Схине и то знала больше. Поэтому нужно как следует допрос... в смысле побеседовать с Занозой о его родине.

Ну а пока следует собрать вещи в сумку, а мысли – в кучу и приготовиться к началу стажировки. Потому я, дожевав закрутку (жаль, что все хорошее так быстро заканчивается!), полная решимости, направилась в сторону Лейской набережной. А в голове промелькнула мысль: хорошо бы узнать, что представляет собой этот Вир гэр Хоу у фэйри. Я подозревала, что это какой-то особый свод правил у дивных. Но и мне не мешало бы в него заглянуть. Так сказать, чтобы моя стажировка точно прошла в рамках закона.

Впрочем, и кроме этого подумать было о чем. И пока руки споро паковали вещи, мысли были заняты предстоящей стажировкой. Застопорилась я только в тот момент, когда достала из глубины шкафа подарок тетушки Софи.

Она была родной маминой сестрой и, когда я попала в приют, попыталась оформить опеку. Но ей не позволили. «Низкая планка социальной ответственности и доходов», –

был вердикт директрисы дома сирот. А все оттого, что тетя была профессиональной женой на один день.

В том плане, что ни одно ее замужество не длилось больше пары суток и заканчивалось разводом (при этом она умудрялась довести своих супругов за столь короткий срок до измены, на которой их и заставляла). Помогала ей в нелегком деле свращения мужей напарница. С ней Софи делилась деньгами, что доставались тете в качестве компенсации после расторжения брака. Чаще всего это была половина имущества экс-супруга.

Тетушкин бизнес был, в отличие от маминого, почти законным: ни один судебный обвинитель не смог бы придраться. Но, увы, директриса приюта смогла.

Поэтому тетя могла лишь изредка навещать меня. И во время этих встреч она щедро делилась со мной житейской мудростью и знаниями в области специфики мужской психологии. Прививку от инфантильности и романтизма я получила именно от нее. А еще – подарок на восемнадцатилетие, который хранился в недрах шкафа.

Это были туфли на умопомрачительно тонкой шпильке. Как заверила Софи – настоящее произведение схинского искусства. Так что не только вампиры и оборотни, но и отможенные фэйри упадут к твоим ногам. В комплекте к обуви шло черное вечернее платье. Эдакий идеальный наряд, чтобы спускаться по ступеням высокой мраморной лестницы, держа в одной руке бокал с игристым вином, а в другой –

окровавленный нож.

Секунду я раздумывала, брать ли это с собой. Посмотрела на дорожную сумку: место в ней еще оставалось. И решила: почему бы и нет? Если что, эти туфли можно не только носить, но и драться ими. Вон какой острый каблук...

Запихнула тетин подарок и посмотрела на свой скромный багаж. Жизнь с мамой научила меня быстро собирать вещи: мы слишком часто переезжали с места на место, унося ноги (от неприятностей) и принося прибыль (исключительно себе).

Потом присела на стул, выдохнула, оглядев съемную комнату. За нее было заплачено на два месяца вперед. Эх, жаль денег. Зато будет куда возвращаться...

А затем решительно встала, закинула дорожную сумку на плечо и направилась в посольство.

А в оном меня ждали пара центнеров надменности, тонна снобизма и три попытки окатить меня флером с головы до ног. И все от одного фэйри, что встречал посетителей на входе. Чем-то ему не понравилась рыжая девица с решительным выражением лица, которая мимо него целеустремленно направилась куда-то через холл с дорожной сумкой наперевес.

Местный страж, догнав меня, заступил дорогу и без слов облил этим самым. Своим, демоны его дери, дивным «обаянием». Я даже пропуск, выданный Нилом, достать не успела, а меня как из ушата... Первый раз, второй... И купали в волнах и страха, и желания подчиниться, и благоговения. Но,

увы, я не испугалась, не задала стрекача туда, откуда пришла, и не испытала пиетета с подобострастием – спасибо вовремя выставленным ментальным щитам. В этот раз они получились даже лучше, чем вчера в переулке, при встрече с эмпатией Занозы. Вот что значит практика.

– Попытайтесь в четвертый раз – и я выйду за вас замуж! – нацелив на наглеца указательный палец, пригрозила я дивному. Он уже было опять развернул шлейф своих чар в мою сторону. – А потом вы мне измените, я разведусь и отсужу у вас половину имущества по ринкорским законам.

– Почему изменю? – Фэйри настолько опешил от услышанного, что, видимо, зацепился за самое абсурдное, с его точки зрения.

– Измените-измените, – с ласковой улыбкой пообещала я. – Не захотите – заставлю. Не сможете – научу!

Я произнесла все это, скопировав категорично-стервозные интонации тетушки. Говорила данный наглый бред с единственной целью – выбить у непрошибаемого фэйри почву из-под ног. Потому что меня бесило его выражение абсолютного превосходства, которое накрепко приклеилось к дивной роже.

И вообще, что за манера такая – не спрашивать, а сразу шарахать посетителей своим флером? Я же вот всех подряд кувалдометром по темечку не бью. Хотя тоже могла бы! И сила на это имеется, и инструмент, так сказать, в пространственном кармане сумки лежит: прихватила его, родимого,

на стажировку. Но я чту законы. А вот один дивный, похоже, нет. Хотя фэйри запрещено использовать эмпатию в Ринкоре!

И пусть посольство – уже территория дивных... Но воздействие было такой силы, что окажись моя психика слабее – и минимум нервный срыв обеспечен. О максимуме с палатой в лечебнице для скорбных рассудком я постаралась не думать.

– Что вы несете?! – наконец отошел от первого шока страж.

– Сумку. Но конкретно вам – неприятности. – С этими словами я наконец выудила из кармана пластину и, мило улыбаясь, продемонстрировала ее фэйри.

– Почему сразу не предъявили? – сурово спросил дивный.

– Ваша харизма, – я произнесла последнее слово, слегка картавя, с едва уловимой паузой между «р» и «и», отчего сказанное приобрело слегка двойственное звучание, и, тонко улыбнувшись, продолжила: – Сразила меня наповал.

– Использовать что-то посильнее мне мешает уважение к принимающей стороне, – видно было, что дивный старался сохранить отстраненную холодность, но увы... Все же не сдержался и намекнул: дескать, девочка, тебе еще повезло, что я не применил силу. А мог бы!

– Интеллект не пробовали? Говорят, убойная штука, – не удержалась я от иронии и, развернувшись на пятках, обошла

оставшегося стоять в стороне дивного. Показалось, что позади меня раздался скрежет стираемой зубной эмали и тихое, прочувственное: «Ведьма!»

А я ведь его даже остроухим, между прочим, не обзывала!

Кипя внутри, а внешне оставаясь абсолютно спокойной, я пересекла остаток холла и устремила к лифтам. Найти кабинет Нила не составило большого труда. И когда я, коротко постучав и услышав: «Войдите!» – перешагнула порог кабинета, то смогла лицезреть господина Занозу подписывающим какие-то бумаги. Он даже взгляда на меня не поднял, лишь жестом указав: я могу присесть на гостевой диванчик в углу.

Я решила, что могу проигнорировать этот то ли приказ, то ли приглашение, и осталась стоять рядом с дверью.

Кроме меня и Нила в комнате был, судя по всему, помощник Занозы. Во всяком случае, он стоял навытяжку и держал в руках несколько конвертов.

– Вот это отправьте лорду Тормилэлю как можно скорее. – С этими словами Нил все же оторвался от бумаг и протянул подчиненному сложенный вдвое лист, а затем осведомился: – Чабиль уже готов к отъезду?

– Да, мессир.

– А ты готова? – Заноза обратился уже ко мне. Причем с той же интонацией, с которой уточнял и о машине. Гад!

Если он рассчитывал услышать еще одно «да, мессир», то тут фэйри просчитался. Я скептически, в абсолютном молчании посмотрела ему в глаза. В их глубине затаилась уста-

лость, какая бывает только от ночных бдений и тяжелых мыслей. Невольно отметила морщину, что прочертила поперек идеальный дивный лоб, легкую небрежность в облике, хотя в предыдущие наши встречи образ господина Занозы был совершенным.

Это был не поединок взглядов. Скорее детальная оценка противника.

– Это все твои вещи? – Нил первым нарушил тишину, несколько удивившись.

Хотелось ответить, что это только моя косметичка, а остальной багаж ожидает в холле, причем не только в чемоданах и саквояжах, но и бьющий копытом на привязи. Но... я удержалась от сарказма и подтвердила, что да, это все. Как выяснилось чуть позже, и у Занозы была только ручная кладь. Причем она оказалась даже меньше моей! А я-то уже планировала насладиться видом гор багажа. Даже ехидную реплику заготовила по этому поводу. А тут такая несправедливость.

Я недовольно посмотрела на кейс, который фэйри держал в руке. Мы уже подходили к лифту, когда Нил, поймав мой хмурый взгляд, иронично спросил:

– Что-то не так?

Думаю, услышь сидхе правдивый ответ о том, как я раздосадована, дивный не преминул бы сыронизировать по этому поводу. А такого удовольствия я Занозе доставить не могла.

Скептически глянула на элегантный мужской пиджак, ко-

торый фэйри накинул перед выходом из кабинета, на стрелки мужских брюк, столь острые, что казалось, о них можно порезаться, на галстук и невинно уточнила:

– Ты в курсе, что деловой костюм – не самая удобная одежда для путешествий?

Заноза нажал кнопку лифта и, тонко улыбнувшись, саркастически произнес:

– Как мило, что ты уже начала обо мне заботиться.

Мелодичный перезвон оповестил, что вызванная кабина прибыла. Двери распахнулись, и я шагнула внутрь.

– Это была разовая бесплатная акция заботы о работодателе. Если хочешь получить полную версию, то она уже за прибавку к основному гонорару, – уела я фэйри.

– Рин, ты с рождения такая язва или специальные какие-то курсы проходила? – в тон мне отозвался дивный.

Я скосила на него глаза. Вот кто бы говорил, господин Заноза!

– Хочешь записаться?

Ответить дивный гад ничего не успел. Двери распахнулись этажом ниже, и к нам в кабину зашло еще несколько пассажиров. Причем среди них были не только фэйри. Мы с Нилом вынужденно замолчали.

Впрочем, и после времени поговорить особо не было. Потому как едва мы сели в поданный к входу в консульство чабиль, дивный сразу же открыл кейс, достал папку с документами и погрузился в их чтение.

Мне же осталось лишь смотреть в окно. Я морально приготовилась к долгому ожиданию, но машина консула не чета общественному чаробусу: в воздушный порт мы домчались, минувя пробки, меньше чем за час.

А там нас на взлетной полосе уже ждал частный воздухо-
стат. Таких моя мама не угоня... в смысле я на подобных
еще не летала.

А вот для дивного все было привычно и обыденно, словно он в свои холмы чуть ли не через день вот так мотался. Заноза только было хотел опять достать свои бумаги, но я подумала, что полет – лучшее время, чтобы расспросить своего куратора, работодателя и шантажиста в одном лице о краже холма. А если Ринли Бризроу что-то решила, то обязательно выполнит.

Видимо, в этот момент то ли что-то такое отразилось на моем лице, то ли эмоции пробились через поднятый ментальный щит и фэйри их почувствовал... Так или иначе, Заноза насторожился и, вскинув брови, задал свое извечное и крайне информативное:

– Что?

Я не стала ходить вокруг да около и честно предупредила:

– Как украли твой холм? Расскажи в подробностях, а то я могу такое додумать, что...

Договорить я не успела: дивный щелчком пальцев накрыл нас пологом тишины. А затем еще и достал из кармана пиджака артефакт, защищавший от прослушки, а заодно и опо-

вещавший, если кто-то пытался шпионить.

– Настолько секретно? – истолковала я такие меры предосторожности.

– Не без этого. Поэтому я бы предпочел поговорить о краже чуть позже, когда мы прилетим, в своем доме. Но раз ты настаиваешь...

Начал Заноза издавека. С Низвержения, случившегося несколько тысячелетий назад. Тогда общими усилиями людей, оборотней, вампиров, драконов и фэйри демоны были изгнаны из Срединных земель и была воздвигнута Препона. Если проще – граница, которую и поныне патрулируют боевые маги. Порой случаются прорывы, но это небольшие стычки по сравнению с тем, что творилось до Низвержения.

Так вот, чтобы одолеть Мрак, фэйри экспериментировали с боевыми заклинаниями. Мощные, разрушительные чары, которые при потере над ними контроля мага образовывали не просто воронки – магические аномалии. Они искажали пространство. Растягивали его или, что было гораздо чаще, сминали, как ладонь ткань.

Если пройти по вершинам залома такого комка пространства, то можно ничего и не заметить, а вот если опуститься в ущелье...

Со временем фэйри научились управлять искажениями. И немудрено, ведь именно магия дивных когда-то и породила эти аномалии. К слову, последние накрыли куполами, сдерживая немалую остаточную силу, которая порой не мог-

ла устоять на одном месте и блуждала, словно перекаати-поле. Шло время, жизнь и магия в Тиббенойской долине переплетались. Сферы-курганы поросли вереском, превратившись в зеленые холмы. Впрочем, последние не были наглухо запечатаны, а имели входы: надо же контролировать, что происходит внутри.

– Подожди, – перебила я Занозу. – Ты хочешь сказать, что ваша Долина, которая на карте занимает одну десятую от площади нашей страны...

– ...на самом деле гораздо больше Ринкора, – закончил дивный, подтвердив тем мою догадку.

Хорошо, что я сидела. Плохо, что при этом под рукой не было фужера валерьянки. С ним сохранить невозмутимое лицо отчаянно блефовавшего шулера было бы куда легче. Но я справилась и так. Мое потрясение выразилось разве что в приподнятой брови.

Судя по тому, как на миг поджал губы Заноза, он ожидал более эмоциональной реакции.

– А столица Долины Холмов – это... – меж тем начала я свой вопрос и не договорила, оборвав сама себя.

Мой палец сам собой начал вычерчивать ногтем узоры по подлокотнику кресла. Этот жест – привычка, оставшаяся с детства, которая выдавала порой мою задумчивость.

Но Заноза прекрасно все понял. Дивные вообще, как я успела заметить, мастера недомолвок. А уж как они водят за нос. Последнее мне Нил и продемонстрировал.

– Главный сид.

– Король? – удивилась я, решив, что «х» в названии Заноза просто не договорил. – При чем тут верховный фэйри?

– Сидх – это высший фэйри. Сидом называют холм. Так вот, наша столица – Эунтрис – по сути, самый большой из холмов. И, как и остальные, он скрыт от непосвященных. Лишь тот, в ком течет кровь дивного народа, или званый гость может найти вход в наши истинные жилища.

– Подожди, вы там живете? Внутри этих искажений? – Я даже перестала выводить ногтем узоры и впиалась взглядом в этого дивного психа. Да что Нил?! Похоже, все дивные лорды – чокнутые. Выбрать домом вывернутое пространство, еще и с нестабильным мощным магическим фоном.

– Да, – словно речь шла о сущей ерунде, произнес Заноза. – Сид уравнивает нестабильную магию холма. Холм дает сидху его силу.

Кажется, теперь я догадалась, почему фэйри столь сильны. Источник их дара был не только внутри, но и вовне.

– Если все так, как ты говоришь, то я тем более не понимаю, как могли украсть холм?

– Искаженное пространство более податливо. Оно словно размягченный от огня воск. Его можно легко разрезать ножом, отсечь часть, раскатав ту в пласт, или свернуть в рулон.

Я попыталась это представить, как могла бы проверить подобное, и... моя воображалка сломалась.

– Пока лично не увижу – не поверю, – заключила я.

– У тебя скоро появится такая возможность, – заверил Заноза. – Я уже вижу дворец Мэб. – С этими словами он чуть ближе наклонился к иллюминатору.

Я тоже прильнула к стеклу, но так ничего, кроме изумрудной зелени и смутных очертаний города, разглядеть не смогла.

Меж тем воздухостат стал крениться то в одну, то в другую сторону, начав снижение. Уши заложило. Все же никакая частность и элитность судна не спасет его пассажиров от банального резкого перепада давления.

И лишь когда мы приземлились, а я вновь смогла нормально слышать, то узнала, что дворец Заноза упомянул неслучайно: наш дальнейший путь лежал именно туда.

Когда мы сели в чабиль (к слову, на этот раз машина была без водителя и Нил сам уселся за руль), то я услышала:

– О нашем разговоре на борту – ни слова. И о том, что ты прилетела сюда разыскивать похищенный холм, тоже.

– И кем же я тогда буду официально в Тиббенойской долине? – полюбопытствовала я. Признаться, до этого я полагала, что именно разыскивать я и буду.

– Как кем? Стажером! – И столько искреннего недоумения в голосе, словно я спросила сущую глупость. – Я уже связался с мастером Рэймом. Для всех ты станешь его подмастерьем, – уверенно выруливая на шоссе, произнес Заноза.

– И к чему маскировка? – осведомилась я, глядя на изу-

мрудные холмистые равнины, которые были самым воплощением безмятежности и спокойствия.

– Всего лишь мера безопасности. Пока что никто из лордов великих домов не знает о том, что Холм Красного Вереска похищен. И хотелось бы, чтобы они были в неведении как можно дольше, – он говорил, при этом глядя прямо, на дорогу и только на дорогу, но казалось, что смотрит в упор на меня.

И этот взгляд словно пробил дыру во всех моих ментальных щитах, проник в душу, в тело, в самую мою суть. Всколыхнул то, что я старательно прятала даже от самой себя. И я разозлилась. На миг прикрыла глаза, чтобы обуздать эмоции, а когда распахнула, резко повернула голову к Занозе и осеклась. Дивный смотрел на меня. Уверенно вел чабиль, но при этом игнорировал шоссе как класс.

Мне бы возмутиться: какого фтырха он творит?! Мы же можем врезаться! Но откуда-то внутри поднималась уверенность: не врежемся. Не разобьемся. Потому что Нил контролировал все вокруг себя. Ситуацию. Эмоции. А заодно магию, пространство и время.

Наши взгляды встретились. Открыто и решительно. Моя зелень и его синева. И мы уже не могли отпустить друг друга. На долю секунды мне показалось, что я прикасаюсь к дивному. Дотрагиваюсь до его скул, чуть заостренных ушей, светлых волос... Но это был лишь краткий миг.

Нил резко отвернулся, так что я вновь смогла лицезреть

лишь его сосредоточенный профиль. Только расслабленные до этого мужские пальцы отчего-то сейчас так крепко сжали руль, что костяшки Занозы побелели.

Хотя, может, я просто устала и мое воображение сыграло со мной злую шутку. Пытаясь заглушить эмоции (и вообще, мои ли они были, или это все грыхтов флер фэйри?), я постаралась мысленно поймать оборвавшуюся нить нашего с Нилом разговора.

Заноза не хотел, чтобы о краже холма узнали остальные лорды. Вспомнила, что дивный связан со своим курганом магически. А если учесть, что при любом дворе во все времена идет борьба за власть, то Нил может оказаться под ударом, как только всем станет известна его тайна.

– Я знаю, что ты чувствуешь ко мне. Но как бы тебе ни хотелось меня придушить, я здесь единственный, кто может дать тебе защиту.

Мысленно фыркнула: а не много на себя берет этот... покровитель?

– Твои ментальные щиты неплохие. Но любому высшему сидху будет их легко пробить. И подчинить тебя своей воле. Ты же не менталистка, не сможешь сопротивляться.

– Выходит, что в Тиббенойской долине из людей могут жить лишь менталисты? – задала я вопрос, глядя в боковое окно и стараясь не смотреть на дивного. Нет, я не боялась вновь столкнуться с ним взглядом. Просто пейзаж очень уж хорош. Определенно. Такая зелень. Такие холмики. И снова

зелень. И опять холмики... Всяко лучше опасной синей глубины одного дивного гада.

– Да, – невозмутимо ответил Заноза и уточнил: – И эмпаты. Но только сильные. Магам разума ниже третьего круга силы без покровителя здесь не выжить.

Я сглотнула. Вот теперь я точно влипла! Капитально. Зато стало понятно, почему информации о Долине Холмов известно так мало. Сиды – закрытое место, куда сложно попасть, но еще тяжелее тут выжить и выбраться.

Глава 3

Переваривая полученную информацию, я вновь повернулась к окну. Мы как раз въезжали в город. И я невольно отметила, что столица Тиббенной долины разительно отличалась от родного Эйлина хотя бы тем, что здесь было много зелени. Очень много.

Парки, скверы, сады – к ним я была уже привычна. Но изумрудные газоны на стенах высотных зданий в деловом центре города – такого мне видеть еще не доводилось. А уж про покрытые сплошным ковром из мха и вереска скатные крыши двух-трехэтажных домиков, которые словно переместились в современность из старины, – и говорить не стоит. Впрочем, кое-где мелькали и черепичные крыши.

Казалось, что здесь, в Эунтрисе, удивительным и, главное, гармоничным образом сочеталось прошлое и будущее, булыжные мостовые и широкие асфальтированные улицы. И все вокруг дышало жизнью. Не было ощущения давящего камня вокруг, как это порой бывает в человеческих городах.

Чабиль в очередной раз повернул, и я увидела впереди уходящей вверх дороги острые шпили.

– А вот и Хай-Бресейл – дворец Холмов – твоё временное пристанище.

– А твоё? – задала я напрашивавшийся вопрос.

– Почти постоянное, – отозвался Заноза, дернув уголком

губ. – Я один из рыцарей королевы Мэб и обязан порой пребывать при ее дворе. – И, резко сменив тему разговора, словно перепрыгнув с одного края пропасти на другой, спросил: – Так ты принимаешь мою защиту от ментального воздействия?

– Как будто у меня есть выбор, – ответила я.

Заноза посчитал это за согласие и отозвался:

– Тогда, по праву покровителя, распоряжусь, чтобы тебе выделили одну из комнат в моих покоях.

– В твоих? – с сомнением переспросила я.

– Опасаешься за свою репутацию? – с иронией поинтересовался дивный и не удержался от провокации: – Или за мою?

Я мысленно фыркнула. Вот ведь Заноза! Да, не поспоришь, он красив, статен, притягателен, у него отличная стройная фигура и крепкая задниц... В общем, ничего так фэйри. Но рассчитывать, что только лишь из-за его внешности я потеряю голову и буду ломиться ночью в спальню дивного... Ну-ну... И, сделав вид, что не поняла намека, поспешила заверить:

– Если ты про то, что кто-то будет пытаться надругаться над тобой во дворце ночью, – не переживай! Я смогу по-добрососедски тебя защитить. Ты, главное, кричи, – с намеком «сочту за честь испортить тебе романтический вечер» произнесла я.

– Обещаешь? – тоном инкуба-искусителя произнес сидх,

сумев всего одним словом переиначить весь наш разговор, будто я только что посулила Занозе прийти к нему в спальню в полночь в полупрозрачной сорочке на голое тело.

Хотела ответить дивному гаду, но тут наш чабиль, уже миновавший дворцовые ворота и обогнувший по боковой дорожке дворец, остановился.

Нил, отстегнув ремень безопасности, развернулся ко мне и деловым тоном, словно до этого мы не вели разговор на грани фола, произнес:

– Посиди, пожалуйста, не двигаясь, несколько секунд. Мне нужно поставить на тебя временную защиту.

Я не успела ничего ответить, как пальцы, изящные, музыкальные, легли мне на виски. А следующий миг показался мне вечностью. Стремительный поток – не столь болезненный, сколь внезапный – подхватил меня. Почувствовала, что еще немного – и я потеряюсь в водовороте времени и пространства. Взмахнула руками, схватилась за что-то. Неважно, за что именно, лишь бы обрести опору.

А когда все закончилось так же внезапно, как и началось, оказалось, что я держу за плечи Занозу. Вцепилась в них руками так крепко, точно это был мой последний шанс. А мой лоб прижимался ко лбу дивного.

Оглушающую тишину салона разбивало наше с Нилом дыхание. Тяжелое. Хриплое. Одно на двоих. Я чувствовала, как взмокла, как каждая мышца моего тела дрожит от напряжения. Такое же я чувствовала в пальцах дивного, руки

которого обхватили мою голову.

Пряди наших волос схлестнулись, переплелись. Моя солнечная бронза и его лунное серебро. Они были словно полог, отгородивший нас от всего мира. Занавес, за которым можно снять личины холодности и цинизма и показать свои настоящие лица.

На миг захотелось перестать быть той Ринли Бризроу, которую все знают, но которой на самом деле нет. Мой образ... Он помогал мне, дочери своей матери, выжить в том детстве, которое у меня было, не сломаться в приюте, добиваться своих целей. И всегда для других быть сильной, сдержанной, хладнокровной.

Но это была всего лишь доля секунды. Мгновение слабости, за которым пришло прозрение: Рин, фтырх тебя подери, что ты творишь! Нельзя расслабляться.

Осознание происходящего было сродни высокому напряжению, которое дали по натянутым до предела стальным канатам нервов. Те заискрились от перегрузок, раскаляясь, треща...

Мы с Нилом отпрянули друг от друга резко, будто нас обоих ударила молния. Я еще и руки разжала, чуть оттолкнув фэйри.

И пусть нас теперь разделяло несколько футов, мы все еще оба стояли на краю безумия. Тяжело дыша от напряжения.

– Извини, что так получилось, – надсадно прозвучал голос дивного.

В глубине синих глаз Нила мне почудилась беспросветная буря.

– Не рассчитал, что человеческая магия иная и откликается гораздо охотнее...

– В следующий раз, пожалуйста, будь... порасчетливее... – произнесла я, прикрывая глаза и пытаясь взять себя в руки, а заодно понять: что это такое только что было?

И неожиданно услышала хрипловатое:

– Фэйри просят быть порасчетливее... Да уж... – С этими словами Заноза вышел из чабилья, обогнул машину, открыл мне дверцу и протянул руку, помогая выбраться.

Оказавшись на улице, я огляделась. Парк и дворец впечатляли своим великолепием. В вечернем воздухе плыли ароматы жасмина и сирени, меж веток деревьев порхали маленькие человечки, чьи крылья светились, я успела заметить несколько живых камней, которые шли из одного куста в другой и о чем-то переговаривались...

– Добро пожаловать в Неблагой двор. – Жестом добродушного хозяина Заноза указал на боковой вход.

Ну я и пожаловала, разместившись на втором этаже. Дивный не солгал: мое временное жилье и правда входило в его апартаменты, которые занимали несколько комнат во дворце.

Деревянный пол, даривший ногам уютное тепло и приятно чуть пружинивший под ногами, высокий густой ворс ковра, неровный белый камень стен, нежные цветочные арома-

ты, воздушные шторы, обрамлявшие невысокий стрельчатый выход на балкон, с которого открывался изумительный вид на зеленый парк, – такой была моя новая спальня.

Я разложила основные вещи, решив, что остальные буду доставать по мере необходимости, потому как времени было не так много: Заноза предупредил меня, что зайдет через полчаса, чтобы мы спустились с ним поужинать, и после он провел бы меня к своему холму. Точнее, тому, что от сида осталось, чтобы я смогла сама все осмотреть, а затем еще предстояло знакомство с мастером-артефактором, под бдительным оком которого я буду стажироваться.

Прихватив халат, я пошла в ванную комнату, что примыкала к спальне, чтобы освежиться с дороги. Только не успела я начать раздеваться, как услышала шум: с таким звуком обычно рама ударяет об откос от резкого ветра. Вот только было одно но: точно помню, что входную дверь на балкон я заперала.

Еще один удар. На этот раз глухой, без легкого дребезжания. А потом я услышала шаги и шуршание ткани.

Заинтригованная, я тихонько приоткрыла дверь ванной комнаты, держа наготове сковывающие чары.

Но тут под ногой мягко спружинила половица. И пусть звук был почти не слышен, но прокравшемуся в мою комнату хватило и этого, чтобы встрепенуться. Ткань зашуршала сильнее, отчетливее. Я, уже не таясь, рванула в спальню и увидела, как мое платье, то самое, подаренное тетушкой Со-

фи, стремглав пронеслось по полу и юркнуло под кровать.

Заклинание, сорвавшееся с пальцев, разминулось с ожившей одеждой всего лишь на долю секунды.

Что за фтырх! Я создала в ладони пульсар и напряженно оглядела спальню. Порыв ветра вздул парусом шторы, балконная дверь ударила об откос, тоненько зазвенев. Я крадущимся шагом подошла к ней, закрыла, причем на защелку. И только после этого, готовая и к атаке, и к отступлению, заглянула под кровать.

Там, в полумраке, в дальнем углу, сидело и мелко подрагивало мое платье. Признаться, я слегка не привыкла, чтобы мой гардероб давал деру от хозяйки, поэтому, сотворив магический щуп, попыталась достать платье.

Подцепила вечерний туалет за бретельку, но... Оно отчего-то стало упираться. А затем и вовсе пискнуло тонко и протестующе:

– У-и-и-и!

Я дернула уже изо всей силы, и... Ткань соскользнула, потекла ко мне, но в последний момент остановилась. И дернулась обратно. А все потому, что с другого края ее держали лапки крыски. Жадно так держали, вожаденно.

– У-и-и-и! – снова пискнула эта хвостатая, словно заявляла свои права на черную с блестящей вышивкой вещицу из тонкой, а главное, легко рвавшейся ткани. Дескать, это – мое! Я его честно украла! Отпусти, жадюга!

Я же на это пискучее заявление подумала, что в едином

языке есть отличное слово из трех букв. И называется оно «нет». Правда, оно пишется, произносится и выглядит порой совершенно по-разному. Например, в данном случае – в виде беззвучного рывка с моей стороны, от которого пушистое тело провезлось по полу. Расстояние между мной и голохвостой сократилось вдвое, но наглая гостья и не думала уступить законной хозяйке платье.

Я пригляделась к этой сороке в крысавкиной шкуре. Черные глаза-бусины блестели возмущением. Хвост подрагивал, усы беспрестанно шевелились, а серебристая шерстка встала дыбом. В общем, расхитительница шкафов была готова биться за свою добычу до последней капли крови. Причем моей.

– И зачем тебе оно? – задала я риторический вопрос погрызухе. – На приемы к королеве ходить?

Та, знамо, ничего не ответила, лишь цапнула край подола еще и зубами.

«До чего ты докатилась, Ринли Бризроу: тебя, дочь своей матери, пытаются обворовать не только карманники, но даже крысы!» – подумалось вдруг. А затем я с досадой еще раз дернула платье на себя. И выволокла из-под кровати и вечерний наряд, и болтавшуюся на его подоле животинку.

Та висела на манер груши, вцепившись в ткань и лапами, и резцами. Подол начал предостерегающе потрескивать под немалым весом погрызухи. К слову, последняя выглядела не совсем типично для крысы. Взять хотя бы вес. Этаким бу-

лыжник в миниатюре. Опять же и размеры – с мое предплечье. И это без хвоста.

Я задумчиво поглядела на эту композицию «Жадность, наглость и отвага» и тряхнула платье. Увы, мохнатая не опала с него переспелым яблоком с яблони. Лишь засучила задними лапками, словно пытаюсь подтянуть свою весьма упитанную пушистую корму. Лысый хвост извивался в воздухе восьмеркой.

У кромки закушенного погрызухой подола начала появляться дыра. Я поняла, что если продолжить, то незваная гостья таки добьется своего – заполучит платье в единоличное крысиное пользование. Потому как с такой прорехой в приличное место наряд уже будет не надеть и его придется выкинуть.

Поэтому я, глядя на маленькую хвостатую заразу, которая на поверку оказалась большой такой паразиткой, опустила платье вместе с воровкой на пол. А затем, словно размышляя вслух, произнесла:

– Никогда не думала, что у дивных, да еще во дворце, водятся крысы. И вроде ведь приличные с виду нелюди, опять же сильнейшие маги... А паразитов вывести не могут! Вот у меня, несмотря на то, что дом сомнительный и съемная квартирка крохотная, нет ни грызунов, ни тараканов... – Я сделала выразительную паузу. – Хм. А не применить ли мне заклинание дератизац...

Не успела договорить, как неразумная с виду крысявка

проявила чудеса интеллекта – отцепилась от подола, причем вежливо так, даже лапками от себя всю аннексированную ткань отодвинула с видом: эту маленькую дырочку сделала не я, вам, голубушка, показалось... И, привстав на задние лапки, заглянула мне в глаза.

Взгляд покусительницы на мое имущество был самым воплощением кротости, нежности и преданности. Перемена была столь разительной, что я утвердилась в закравшемся подозрении: эта крысявка непроста, далеко не проста... но пока не стала разоблачать эту пушистую хитрюгу, а решила понаблюдать, что еще выкинет погрызуха.

А та, в свою очередь, убедившись, что немедленная смерть ей не грозит, в лучших традициях подхалимов наклонилась и потерлась спинкой о костяшки моей правой руки. На удивление, шерстка вороватой гостьи оказалась нежной, мягкой... Такую не у всякой выставочно-элитной живности встретишь.

Меж тем погрызуха, тихонько пискнув, мол, мне пора, каплей ртути скользнула по полу – только хвост подмел половицы – и оказалась у выхода на балкон. Прыжок, крысявка повисла на задвижке рядом с ручкой застекленной двери. И пока передние лапы держались за нее, хвост ловко открыл защелку.

Дверь начала медленно открываться. Пискуха, которая уже сидела на ручке, победно глянула на меня. Дескать, смотри, я никакая не обитательница здешних ходов и нор, а

гордая вольная домушница, в смысле дворцовница. И не надо мне твоих дератизаций! Я на природных, вольных хлебах, вообще-то, пасусь. А сюда так, заглядываю иногда. Проинспектировать.

— Ладно, беги уж... — махнула я рукой на мамину хвостатую коллегу.

Та, прощально пискнув, сиганула на пол. Раздался глухой удар, и пушистая жопка деловито завиляла хвостом, просочившись меж столбиков парапета балкона, нырнула куда-то вниз.

Я лишь усмехнулась и покачала головой. Как говорится, добро пожаловать к дивным, где все... диванутое! Даже крысы.

Я посмотрела на отвоеванное у погрызухи платье, на дырку в подоле и, печально вздохнув, убрала наряд обратно в шкаф. Еще раз закрыла балконную дверь, запечатав ту заклиниванием и... на всякий случай приперев стулом. Ибо, как показывала воровская практика, даже самые хитроумные заклинивания взлома, способные нейтрализовать сложнейшие сторожевые чары, бессильны перед охранной системой типа «швабра». Ну или хотя бы «стулус вульгарис».

И уже спокойно пошла в ванную комнату. Снова. И едва успела освежиться и переодеться, как за мной пришел Заноза.

Дивный был, как всегда, безукоризнен: светлые волосы, собранные в элегантный низкий хвост, шелковая рубашка,

серые штаны и камзол без рукавов к ним в тон, украшенный изящной серебряной вышивкой. Такая же была на отворотах сапог из тонко выделанной кожи.

Так и захотелось съязвить, что кое-кто забыл шейный платок с брошью для полноты образа: единственной вольностью в облике Занозы были две расстегнутые верхние пуговицы рубашки, и белая, до искристого снега, ткань оттеняла легкий, едва заметный загар кожи.

Я же выглядела полной противоположностью дивного гада: кожаная куртка с рукавом в три четверти, кроссовки, черные джинсы. На последних была парочка дыр. К счастью, оные протерлись на модных местах, и я могла с гордостью заявить, что, дескать, это не прореха, требующая заплатки, а дизайн. Правда, умолчав, что в роли кворума модельеров выступили обстоятельства, асфальт и мои колени, на которые я упала. И да, взлохмаченные волосы, которые после душа стояли дыбом, как их ни причесывай.

В общем, мысленно поставив себя рядом с Занозой, я поняла, что выгляжу так, словно давно умерла, но смерть мне забыла об этом сказать.

– Ты готова? – оглядев меня с ног до головы, поинтересовался дивный.

Вместо ответа я скрутила непослушные волосы в тугий жгут, сотворила из него пучок и жестко зафиксировала все это резинкой.

Потом развернулась на пятках, все так же молча подхва-

тила свою дорожную сумку, которую разобрала только наполовину, и, вернувшись к Занозе, вручила свою поклажу ему со словами:

– Теперь – да.

Сидх, рефлекторно взявший баул, виду не подал, и ни на миг его рука, державшая ручку, не дернулась вниз под тяжестью ноши. А ведь пространственный карман лишь позволял впихнуть внутрь больше видимого объема, но никак не уменьшал общего веса вещей. А там один кувалдометр весил немало. Но куда артефактор без своих инструментов?

Я, уже привычная к такой тяжести, всегда рефлекторно активировала магию. Правда, та просто так чародеям никогда не доставалась и любое использование резерва было сопряжено с болью. Легкой, если дар задействован незначительно, и обжигающей, когда используешь силу по максимуму.

Я ждала, что рядом с запястьем дивного вспыхнет хоть одна искра, свидетельствуя, что он обратился к магии, но нет. Зато мышцы на плече Занозы напряглись, их рельеф стал отчетливо заметен под тонким шелком рубашки, и фэйри легко перекинул сумку через плечо. Хм, значит, вес поклажи для него не кажется таким уж тяжелым. Жаль. Почему-то в Ринкоре бытовало мнение, что утонченные фэйри, так часто использующие свой флер, физически уступают тем же оборотням. Похоже, что очередной миф. Или это мне достался такой спортивный экземпляр?

Я сделала себе мысленную пометку: если решу вступить в Занозой в противостояние, то нужно сразу бить магией.

Сидх на меня как-то подозрительно покосился, когда я закрывала входную дверь, запечатывая ее заклинанием. И, опережая его ироничное: «Что?» – ответила:

– Ничего, – причем произнесла это столь невинно, что фэйри явно заподозрил подвох.

Впрочем, Заноза не стал заострять на этом внимание и, пока мы шли к выходу из западного крыла дворца, пояснил, что сначала мы посетим Хай-Хилл – сид под дворцом. Туда могли попасть все фэйри. И это отличало Королевский Холм от всех родовых сидов. В последние путь был открыт лишь тем, кто принес присягу их лорду-хозяину.

– Чтобы ты все почувствовала сама, – туманно пояснил дивный.

«Вот ведь... Заноза! Нет чтобы нормальным, человеческим языком все сказать. Хотя... он же фэйри. Что с него взять?!» – досадливо думала я, пока мы шли по одной из дорожек в королевском парке.

Но несмотря на то, что я была раздосадована недомолвками сидха, я не смогла не обратить внимание на снующих меж ветвями ясеня и терновника светляков. Они были какими-то невероятно яркими, словно маленькие, непрерывно пульсирующие сгустки пламени. Присмотревшись, я поняла, что это крошечные человечки с крылышками.

– Пикси, – кратко пояснил Заноза, бросив недовольный

взгляд на одну из них, когда эта шустрая малявочка, зависнув над ухом дивного, что-то тоненько пропищала. Крошку тут же как ветром сдуло.

– Их нужно любить или остерегаться? – уточнила я, потому как жизнь научила меня не обольщаться милым видом. Больше всего укусят могут те, кто безобиден на первый взгляд.

– Не столь важно *твоё* к ним отношение, как *их* к тебе, – усмехнулся дивный. – Пикси должны тебе уважать и опасаться...

– Ты имеешь в виду, если они будут передо мной трепетать, то и убить побоятся? – с иронией заметила я, прикидывая, может ли моя шутка оказаться правдой и способны ли эти милые крылатые малютки мне серьезно навредить.

– Не факт, что *настолько* побоятся. Но однозначно делать это будут значительно дольше, – приподняв одну бровь, с видом знатока заверил дивный гад и посоветовал: – Так что покажи им свой авторитет.

Я стиснула зубы от досады на этого невозможного фэйри. Даже не сразу порой поймешь, шутит ли дивный паразит или говорит всерьез. Хотя, если в его словах есть хотя бы доля правды... Некстати вспомнила крысу, которая пыталась меня обворовать, и поняла: с демонстрацией моего могущества могут возникнуть проблемы. Поэтому я решила уточнить:

– А можно поконкретнее? А то ведь знаешь... Черный пояс вот тоже является авторитетом. Только для одних он дол-

жен быть по боевой магии, для других – по заднице.

– Для пикси будет достаточно второго варианта, – совершенно серьезным тоном ответил Заноза, но я заметила, что в этот миг в глубине его глаз демоны плясали джигу. – Но если серьезно: лучше не терять с ними бдительности. Это высшие лишены возможности лгать и вынуждены говорить лишь правду. Иногда – не всю, не всегда и не всем. Но правду. Низшие же фэйри, могут легко врать. Оттого их считают отъявленными лгунишками и пакостниками, проказы которых могут быть смертельны.

Последнее предостережение прозвучало абсолютно серьезно. И я чувствовала: сейчас Заноза не подтрунивает над моей неосведомленностью. Но я обратила внимание еще и на промелькнувшую в словах Нила оговорку.

– Так, значит, высшие, в отличие от тех же пикси, лгать не могут? – задала я вопрос в лоб, меж тем припоминая, что за все время общения с Занозой он мне ни разу не соврал. Недоговаривать – сколько угодно! Строить фразы так, что я сама пришла к заблуждению, – да легко! Играть моими эмоциями – да запросто!

Сейчас же сидх от прямого вопроса на миг скривился. И я поняла: попала точно в цель.

За разговором мы успели не только пересечь весь парк, но и выйти за его пределы – на одну из многолюдных... точнее, многофэйривых улиц.

Я впервые оказалась в месте с такой концентрацией див-

ных на квадратный фут. На меня обращали сдержанное внимание, провожали взглядами. Было слегка неуютно. Но я постаралась ничем не выдать своих эмоций. Лицо профессионального каталы за игральным столом – и вперед! Я еще покажу этим фэйри, что значит настоящая невозмутимость.

Я старалась смотреть только вперед, но, мысленно сравнивая Занозу с прохожими, не смогла не отметить: мой сидх чуть выше типичных дивных. Да и в плечах шире. Но отличала его от других даже не столь фигура, сколь жесты.

Если обычные фэйри были изящными ланями, то Нил – тигром, грациозная красота которого смертельно опасна. Хищник, которому везде свободно и раздольно. Хозяин положения. Тот, кто всегда держит ситуацию под контролем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.